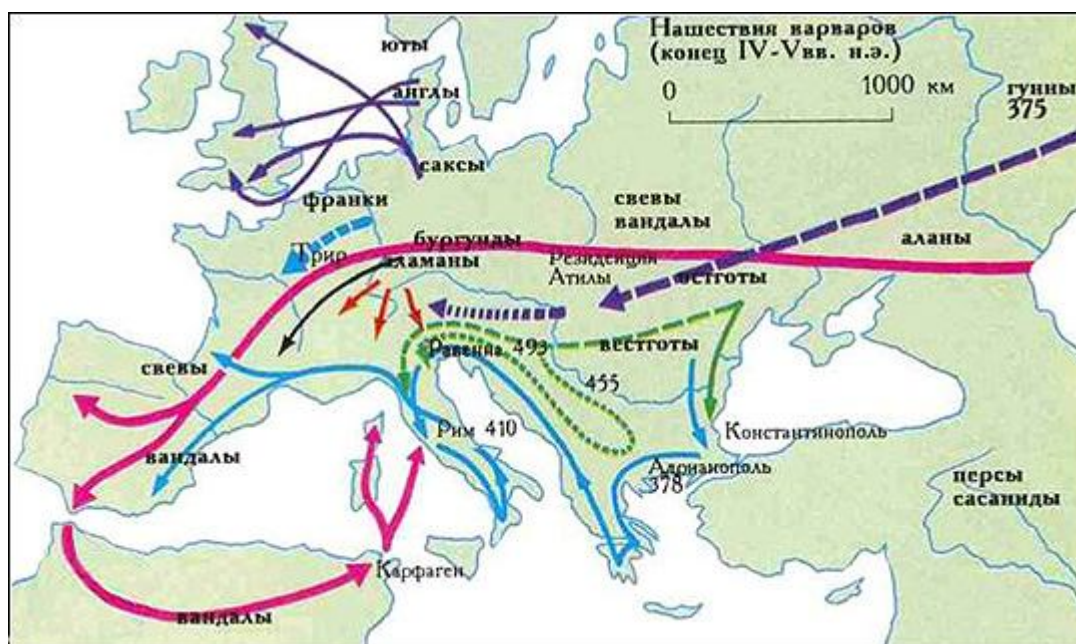

Бернард С Бахрах История Алан на западе

Больше книг на <http://knigosite.ru>

Бернард С. Бахрах История Алан на западе

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1922 г. русский ученый М.И. Ростовцев писал: «В большинстве исследований, посвященных эпохе переселения народов, почти игнорируется роль, которую сыграли сарматы и, в особенности, аланы в завоевании Европы, Но мы не должны никогда забывать о том, что аланы длительное время проживали в Галлии..., что они вторглись в Италию, а вместе с вандалами вошли в Испанию и покорили Африку...»

В 1963 г. Георгий Вернадский, продолжая мысль Ростовцева, отмечал, что за прошедшие после этого четыре десятилетия не появилось ни одного значительного исследования об аланах на западе. Наша работа имеет целью заполнить слишком долгий пробел в истории Западной Европы периода раннего Средневековья. История алан на западе в эпоху великого переселения народов и раннего Средневековья, как и история других народов в те беспокойные времена, помогает нам лучше понять период завершения античности и становления Средневековья. В отличие от различных германских племен, значительно преобладавших в общем потоке миграции, аланы представляли собой индокранские племена кочевников, Аланы были единственным негерманским народом, основавшим в этот период значительные населения в Западной Европе. Гунны были вытеснены из Европы; аварцы, мадьяры, болгары и славяне селились только в Восточной Европе. Аланы давно заслуживают серьезного изучения, как уникальное явление в Западной Европе.

История этого кочевого народа на Западе начинается не момента их первого появления в Римской империи, а с того, когда они впервые стали известны на Западе и начали упоминаться в письменных источниках. Поэтому для лучшего понимания аланского движения на Запад первая глава настоящей монографии посвящается, главным образом, тому, что на Западе было известно об аланах до великого переселения народов. Затем делается попытка выяснить природу культуры алан в доэмиграционный период. Последняя задача гораздо более трудная, чем первая, поскольку мы не всегда можем полагаться на сведения, имеющиеся в письменных источниках. Вдобавок, часто археологический материал бывает сомнительным и мы не можем, например, установить точно, является захоронение или находка аланским, сарматским и роксоланским.

Как мы уже отмечали выше, аланы не оставили нам никаких письменных источников за рассматриваемый период; как большинство кочевников древности и средневековья, они имели грамоты.

Только после ассимиляции алан в конце раннеримского средневекового мира некоторые из них овладели грамотой то только латинской. Большая часть сохранившихся об аланах сведений сообщается авторами, жившими в эпоху аланского движения на Запад, или во время, близкое к этому, хотя их интересы чаще сосредотачивались не на аланах, а других темах. Поэтому информация об аланах существует отдельных не очень надежных источниках. И только путем критического исследования этих письменных свидетельств мы сможем понять и узнать народ, чья история и культура остаются в значительной мере скрытыми от современн ученых.

В результате исторического исследования, подобного нашему, неизбежно возникает вопрос, кого именно мы изучаем. Рассматривая эту проблему, я применил так называемый доизмененный номиналистический подход. Если в источниках используется латинский термин *Alani* (гр. *Alavoi*), то такую информацию я считал подходящей для моего исследования. Наоборот, если в источниках упоминаются другие группы варваров, такие, как роксоланы или аорсы, а об аланах нет конкретного упоминания, то я считал такие сведения имеющими отношения к моему исследованию. Этот метод не может нас устраивать в двух случаях. Если, во-первых, автор, употребляя *Alani*, имеет в виду какой-либо другой народ со схожим названием, как, например, кельтских *Alauni*. Во-вторых, если в источнике упоминаются роксоланы или какая-ни будь другая индо-иранская народность, по ошибке называемая *Alani* из-за схожих обычаев или особенностей языка. Таким образом, когда номиналистский метод вел к сомнительному результату, я его не применял, обращаясь к более гибкому методу. Проблемы, возникавшие в связи с применением этого метода, в значительной степени рассматриваются в первой главе, повествующей о периоде в истории алан, когда они находились за пределами империи, и информация о них была фрагментарной, а иногда и совсем ненадежной. После аланского переселения и в период раннего средневековья аланы, ушедшие на запад, и их потомки были известны, главным образом, через тех, кто так или иначе рассказывал о них. С этого момента и далее терминологическая путаница сведена к минимуму.

ГЛАВА I

АЛАНЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Самое раннее упоминание имени алан на западе появляется у Сенеки в пьесе

«Thyestes», которая, вероятно, была написана в четвертом десятилетии 1 века н. э. или, возможно, немного раньше. Один из персонажей, вестник, вопрошает: «Какая это область? Аргос?»

Спарта?.. Коринф?.. Или это Дунай, за которым скрываются свирепые аланы? Или это Гиркания за пределами вечных снегов, а, может, это земля кочевников-скифов?»

И Аргос, и Спарта, и Коринф, и Дунай, и Гирканская земля, и скифы были известны римскому читателю, только имя алан было упомянуто впервые в дошедшем до нас источнике, Однако реплика вестника не говорит о том, что Сенека хотел привлечь внимание читателя к аланам в данном контексте. В приведенном отрывке аланы не играют никакой особенной роли, которая позволила бы как-то выделить их из общего перечисления племен и народов. И вообще в пьесе они упоминаются лишь один раз. И это наводит на мысль, что современники Сенеки имели достаточное представление об аланах, так что имя алан не вызывало недоумения.

Из замечаний Сенеки, однако следует, что аланы, переправляясь через Дунай, совершали набеги на римскую территорию, потом уходили обратно за Дунай, где римским легионерам уже трудно было их преследовать. Так Рим знакомился с аланами, и происходило это сравнительно быстрыми темпами.

Затем аланы появляются у Лукана в его «Гражданских войнах», эпической поэме, написанной в начале шестидесятых годов 1 века н. э., в которой повествуется о войнах между Помпеем и Цезарем, происходивших столетием раньше. Хотя эта поэма и имеет явную историческую направленность, Лукан, однако, не уклоняется от описания ряда ярких эпизодов, Так, останавливаясь на планах Помпея после Фарсальской битвы, Лукан отмечает, что разбитый полководец (Помпеи — ред.) договорился с неким Дейотаросом, своим верным сто ронником и королем Галации, поднять восточные народы против Цезаря. Помпей напоминает о своих прошлых подвигах на Востоке и о походе через Врата Каспийские против «стойких и всегда воинственных алан» (*duros aeterni Vartis Alanos*), соседей которых, парфян, он уже оставлял в покое.

Нет никаких оснований полагать, что Помпеи когда-либо воевал против алан или что он преследовал их через Врата Каспийские.

Однако упоминание алан в связи с районом Врат Каспийских и с парфянами, их соседями, придает рассказу Лукана реалистический характер, так что это не кажется читателям Лукана чем-то нарочитым, В другой части «Гражданских войн», Лукан, отмечая смелость Цезаря, упоминает о трех могущественных народах, которые могли устрашить любого нормального человека, но которых Цезарь со всем не боялся. Лукан пишет: «Ни аланы, ни скифы, ни муры, которые нападают на врага с копьями, не могли причинить ему вреда».

Несомненно, что читателям Сенеки и Лукана было известно о доблести аланских воинов. Читатели, по-видимому, уже достаточно знали об аланах, что давало возможность обходиться простым упоминанием их имени. Однако только из работ Иосифа мы получаем более ясное представление о том, когда и как информация об аланах достигла Западной Европы. В своих «Иудейских древностях», написанных в конце 1 столетия н. э., Иосиф отмечает, что римский император Тиберий около 35 г. н. э. (время написания «Thyestes» Сенеки) предпринимает попытку заручиться поддержкой иберов и албан цев в войне против парфян. Хотя ни один из этих народов не оказывал в то время прямой помощи Риму, Иосиф сообщает, что они позволили аланам беспрепятственно пройти через их земли и Врата Каспийские, так что аланы могли воевать против парфян в качестве союзников Рима. И

аланы воевали и, согласно Иосифу, делали это отлично.

А в своих «Иудейских войнах», написанных уже в семидесятых годах I в н. э., Иосиф сообщает дополнительные сведения об аланах. Он утверждает, что аланы являются «скифским народом», населяющим берега Дона и Азовского моря. В разной степени важно и его замечание о том, что он писал об аланах и раньше. Однако свидетельство об этом не сохранилось, но замечание Иосифа, тем не менее, убеждает нас в наличии на Западе определенных сведений об аланах уже к середине I столетия н. э., если не раньше.

После сообщения некоторых географических и этнографических сведений Иосиф переходит к описанию недавнего, по-видимому, похода алан в Мидию, во время которого аланы измотали парфян и взяли огромную добычу, включая выкуп за сановных лиц, захваченных ими в плен. Тех пленных, за которых парфяне не дали выкупа, аланы увезли с собой. Иосиф отмечает далее, что военное сопротивление, оказанное аланам в этом походе, заставило их действовать с большей жестокостью и суровостью, чем обычно. Он также подчеркивает, что одним из видов оружия, которым пользовались аланы, было лассо.

Именно после этого похода парфянский король Вологас I попросил у Рима помощи против алан. Вологас приглашал Веспасиана в союзники в борьбе с аланами и настаивал на том, чтобы один из сыновей императора, Домициан, возглавил римскую армию. Домициан, которому не терпелось выступить в поход, не смог по каким-то причинам этого сделать, и, таким образом, кампания против алан не состоялась.

В своей «Естественной истории», в главе о Дакии и Сарматии, Плиний отмечает: «Люди родом из этого места (устье Дуная) действительно скифы, хотя приграничные берега населены и другими народами: в одном месте живут геты, которых римляне называют даками, в другом — сарматы, которых греки называют савроматами, и еще один народ, называемый хамаксобии или аорсы; есть и другие народы скифского происхождения, подчиненные им, как рабы, а также троглодиты; а по соседству проживают аланы и роксоланы. Кроме того, в более возвышенных местах, между Дунаем и Тирканскими лесами и до военных зимовий Паннонии в Карнакии и границ германцев, живут сарматские языги».

На протяжении всего периода от Тиберия до Веспасиана Рим был заинтересован в поддержании союзнических отношений с аланами.

Успешные действия последних против парфян помогли завоевать им прочную военную репутацию в Риме и одновременно ограничить наступательную активность парфян против Рима. Те аланы, которые помогали Риму против парфян на южном побережье Каспийского моря, были всего лишь одним из хорошо известных римлянам аланских племен. Часть алан обитала в северной области Дуная и могла совершать вооруженные нападения на территорию Римской империи на побережье. Другие племена алан жили на берегах Черного и Азовского морей и реки Дон в близком соседстве с некоторыми сарматскими и германскими народами.

В конце I века письменные источники не перестают упоминать об аланах. Валерий Флакк в своей эпической поэме «Аргонавтика» помещает алан в Крыму и приписывает им активное участие в Понтийской политике. В одном случае Валерий Флакк называет их «горячими и вспыльчивыми», в другом он подчеркивает их жалкий вид, намекая, вероятно, на крайне примитивные материальные условия жизни кочевников.

Сатирик Марциал упоминает об аланах в поэме, посвященной даме с сомнительной добродетелью по имени Селия. Он пишет: «Селия, ты отдаешься парфянам и германцам, ... и алан на своем сарматском коне не проедет мимо тебя...»

Перечень любовников Селии у Марциала включает в себя варваров и восточные

народы, которые были хорошо известны римлянам и, вероятно, казались им низкими по происхождению экзотическими существами. Упоминание Марциалом об алане с его сарматским конем можно рассматривать, несмотря на его поэтическую форму, как деталь, конкретно связывающую эти два азиатских народа. Еще раньше Плиний говорил об аланах и сарматах, как о скифах, а Иосиф даже рассматривал алан как просто скифов. Хотя западные народы не имели, по-видимому, тесных постоянных контактов с аланами, однако замечание Марциала убеждает, что некоторые из них, возможно, в свите восточных владык, посещали Рим, так что любвеобильная Селия действительно могла иметь возможность узнать об экзотическом алане на коне.

Что касается такого историка, как Тацит, явно игнорировавшего алан, то его молчание об аланах мало что значит, потому что его современники довольно часто упоминают о них. Походы алан в Парфию, помогавшие интересам Рима в правление Тиберия и Веспасиана, а затем в правление Адриана, распространялись на Армению и Каппадокию, Армения, однако, тогда была зависима от Рима, а Каппадокия являлась провинцией империи, Что касается последней, то в ней некий Флавий Арриан, легат императора Адриана, сразился с аланами и изгнал их из пределов Рима.

Арриан, первый западный полководец, встретившийся с аланами в бою лицом к лицу, разработал военную стратегию для борьбы с ними.

Часть этой работы, «Против алан» («Контра аланос»), сохранилась и вместе с другим исследованием Арриана, «Тактика», содержит очень полезную информацию. Согласно Арриану, аланы и сарматы — это конные копьеносцы, мощно и быстро атакующие врага. Арриан подчеркивает, что фаланга пехоты, снаряженная метательными снарядами, это самое эффективное средство отбить атаку алан. Когда их осыпает дождь снарядов и они понимают, что не смогут разбить фалангу пехоты атакой, следует ожидать их отступления. Арриан рассматривает этот момент битвы, как решающий, потому что аланы способны превратить такое отступление в победу. Аланы, как известно, использовали тактику, которая называлась «ложным отступлением»; если пехота, с которой они перед этим встретились лицом к лицу, преследовала убегающего и расстроившего свои ряды врага, то последний поворачивал коней и опрокидывал пеших воинов.

В более поздних источниках указывается, что ложное отступление было хорошо разработанной тактикой степной кавалерии; его использовали не только аланы, но и гунны, венгры, а также турки.

Кроме ложного отступления, которое использовалось для быстрого расстройств фаланги вражеской пехоты, аланы применяли и другую тактику — они разворачивались против вражеского фланга, имитируя при этом паническое отступление. Таким образом, пока пехота врага сосредотачивала внимание на отступающих перед ней аланах, кавалерия последних внезапно поворачивала и обрушивалась на вражеский фланг.

Арриан пытался воспрепятствовать успеху ложного отступления, для чего посылал только одну часть своей кавалерии преследовать врага по пятам, но оставлял другую часть конницы в строю, двигавшемся со скоростью пехотинца. Пехота получала приказ не расстраивать фаланги независимо от того, как будет вести себя вражеская кавалерия; она должна была медленно продвигаться вперед, чтобы в нужное время поддержать кавалерию. Арриан обезопасил свою пехоту от флангового нападения алан, на которых, когда они разворачивались веером в попытке повернуть фланг, он бросал кавалерию.

Рассказывая о действиях своего войска, Арриан отмечает, что «Римская конница держит свои копья и бьет врага на тот же манер, что и аланы и сарматы». Этого нельзя было

сказать о кавалерии Цезаря или Августа, и, таким образом, из замечания Арриана можно сделать вывод, что степная тактика к началу второго века оказала влияние на римскую кавалерию. Это, равно как и соображения Арриана относительно боевых возможностей алан, подтверждает бытующее мнение, что на западе серьезно считались с военными достоинствами алан.

Успешные действия Арриана в Каппадокии обезопасили империю от алан. Армения, зависимая от Рима, была вынуждена откупиться от алан «подарками», так что те оставили их пределы, Дио Кассий, чьи сведения об этих событиях носят, по-видимому, вторичный характер, считает, что правитель Армении Вологас II придавал достижению мира с аланами большее значение, чем угрозам из Рима.

Об усилении контактов Запада с аланами и возросшем к ним уважении со стороны Рима косвенно свидетельствует одна из нескольких сохранившихся поэм императора Адриана, который писал: «Борисфен Аланский, конь Цезаря, мог летать по равнинам, по болотным топям и Тусканским горам. И никогда во время охоты на паннонского вепря ни один преследуемый вепрь с белыми клыками не решался приблизиться к нему. Случалось, что слюна во время погони брызгала ему на хвост.

Однако погиб он совсем молодым, с крепкими, не ослабленными возрастом ногами. Он пал в день своего рождения и был похоронен здесь в земле».

Нельзя установить, был ли этот конь, описанный в поэме Адриана, действительно степной лошадей, присланной императору победоносным легатом, или просто хорошим верховым конем, чьи достоинства напоминали достоинства аланской лошади. Кличка «Борисфен» — это явное упоминание о реке Днестр, через который Адриан связывает свою аланскую лошадь с районом северо-западнее поселений алан — противников Арриана в Каппадокии. В любом случае, аланские лошади или, по крайней мере, сведения об их достоинствах были известны на Западе в начале II в. И поэтому поэма императора, вероятно, просто информировала читателей об аланской лошади.

Более или менее ясное представление о том, где, по мнению римлян, жили аланы, можно найти в работах географа Птоломея и его ближайшего современника Дионисия Старшего. Птоломей размещает алан и в Азии и в Европе. По его мнению, Дон был границей между двумя материками, и аланы жили и к востоку и к западу от него. Тех, что населяли западный берег Дона, Птоломей называет скифскими аланами, а их территорию он определяет как Европейскую Сарматию. Аланы, о которых сообщали Сенека и Плиний столетием раньше, были из этого региона. Аланы, которых Птоломей помещает в восточное Дону, также назывались скифскими и, вероятно, их можно отождествлять с аланами, которых упоминали Иосиф и Светоний. Дионисий Старший в поэме, написанной на греческом языке — «Описание Земли Обитаемой», утверждает, что аланы населяли район от Дуная до берегов Черного моря. Таким образом, он отмечает только европейских алан и не обращает внимания на азиатских.

Из работ Птоломея и Дионисия видно, что существовало несколько групп алан, населявших и Азию и Европу наряду со многими другими народами. Среди соседей алан в разных местах были павцины, бастарны, роксоламы, языги, нэрвы, гелоны, геты и сарматы. Это, однако, не дает повода думать, что аланы доминировали над своими соседями. По мнению Птоломея, жилища алан не располагались на единой территории. Между аланами, жившими в Европейской Сарматии и аланами в Азиатской Скифии, простиралась огромная территория, называемая Азиатской Сарматией, в которой, согласно Птоломею, аланы не жили.

Следует отметить, что хотя аланы и не создали государство, они, тем не менее, играли важную роль в истории. Птоломей отмечает расположение Аланских гор, которые, вероятно, были так названы в честь алан, а Дионисий, перечисляя народы, населявшие территорию от Дуная до Черного моря, детально описывает только алан. Он называет их «могущественными» и отмечает их выдающиеся наезднические качества.

Греческий писатель Лукиан, современник Птолемея, дает дополнительную информацию об аланах Южной России. Среди многих произведений Лукиана встречается диалог между скифом и греком о дружбе. Диалог, однако, это только форма, выбранная Лукианом, чтобы рассказать о скифах, относительно которых он был хорошо информирован. Аланы часто упоминаются в рассказе Лукиана, и из контекста видно, что читателю они хорошо знакомы. О воинской доблести аланских всадников, так же как и об их мастерстве в применении копья и лука, упоминается как о чем-то хорошо всем известном. Лукиан подчеркивает тесную связь алан со скифами, указывая на их сходство в одежде и обычаях. Действительно, согласно Лукиану, единственным значительным различием между ними были прически: скифы носили более длинные волосы.

Во второй половине II века Запад не нуждался ни в географах, ни в поэтах, которые напоминали бы ему об аланах на его границах. В период владычества Рима и позже римские военачальники и императоры с трудом сдерживали варваров на границах. Аланские племена в это время продолжали движение на запад. Войска Антония Пия, преемника Адриана, часто вынуждены были отражать удары алан. Преемник Антония, Марк Аврелий, столкнулся с аланами в союзе варваров, захвативших западную часть империи от Иллирии до Галлии. Аланы участвовали в этих походах, пытаясь продвинуться дальше на запад.

Но лишь данные Сенеки о походах алан через Дунай свидетельствуют о том, как значительно было это продвижение.

Среди варваров, которым Марк Аврелий нанес поражение, было племя бури. Эту победу одержал его сын Коммод, который заставил противника освободить большое количество римских пленников и вернуть заложников. Затем Коммод вынудил часть алан, входивших в коалицию, разбитую Аврелием, освободить огромное число пленников, которых они держали у себя. Вдобавок Коммод заставил алан поклясться, что они откажутся от пятимильной полосы земли вдоль границ Дакии и что они не будут ни населять эту буферную зону, ни пасти в ней свой скот, Аланы, населявшие Понтийский мир дальше к востоку, жили, повидимому, в гармонии с союзниками Рима. Греческий памятник с Таманского полуострова, датируемый 208 г. и обнаруженный в Понтийском регионе, содержит надпись, восхваляющую способности главного аланского переводчика. Уже само существование «главного толмача» предполагает, однако, наличие подчиненных, что, в свою очередь, говорит о целом корпусе толмачей, знавших аланский язык и, вероятно, греческий или какой-нибудь другой, употребительный в данном регионе.

Во второй половине II в. в северных частях Фракии другие аланы вместе с готами ассимилировались местным населением. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует история Максимиана Фракийца. Рожденный матерью аланского происхождения и отцом-готом на севере Фракии, на границе с варварскими землями, Максимин мальчиком пас скот. Став постарше, он возглавил небольшую вооруженную дружину, охранявшую границу и защищавшую селение от разбойников. Проявив незаурядные способности в военном деле, Мак симин легко попал в римскую кавалерию, то есть в самую привилегированную часть императорского войска. Он добился этого, хотя говорил на варварском наречии (по-фракийски) и едва владел латынью. За сравнительно короткое время Максимин добился

больших успехов в римской армии, дослужившись до командирской должности.

Однако в правление Макрина он вышел в отставку и вернулся в поместье на фракийской границе близ Дуная и там занимался торговлей с аланами и готами, жившими вдоль реки.

Нет нужды подробно излагать захват императорского трона Максимином и его кровавую борьбу. Достаточно отметить, что он был первым императором-варваром и что его аланское (или готское) происхождение никак не повлияло на его стремительное восхождение.

Он не был варварским правителем в духе Одоакра или Ричемера, которые в любой момент могли призвать на помощь военные силы варваров; он скорее был «римским» полководцем, как Септимий Север, имевший большую поддержку в имперской армии. Тем не менее варварское происхождение Максимиана скорее было для него помехой, чем помощью. Поэтому, находясь у власти, он тщательно скрывал все, что касалось его происхождения.

Во время так называемого кризиса III века, когда в Риме сменилось двадцать шесть императоров, которые, за исключением одного, погибли насильственной смертью, сделано относительно мало исторических записей. Поэтому и об аланах имеется мало сведений.

Но точно известно, что в начале 240-х годов аланы совершили опустошительный набег в Грецию, разбив при этом императора Гордиана III на равнинах Филиппии. А в середине столетия и позднее варвары уже не раз совершали нашествия на дунайские провинции империи. Хотя скудные источники и умалчивают об участии в них алан, можно, тем не менее, предположить, что, по крайней мере, те из них, которые обитали вдоль границ, особенно в Дакии, принимали участие в этих событиях. Более поздние источники сообщают, что аланы совершали набеги даже в Северную Италию и Галлию — именно в это время. Перечень пленных, сопровождавших триумф Аврелиана в 273 г., частично доказывает это предположение: «Там были готы, аланы, роксаланы, сарматы, франки, свевы, вандалы и германцы».

Против алан воевал и Пробе, однако об этом ничего не известно, кроме рассказа об аланской лошади, которую якобы захватили в плен его победоносные войска. В рассказе говорится о лошади, которая не отличалась ни красотой, ни ростом, но была очень вынослива, могла покрыть расстояние в 100 миль в день, сохраняя такую резвость в течение 8-10 дней. Таким образом, благодаря сведениям Марциала об аланско-сарматской лошади, описаниям Арриана и Дионисия Старшего прекрасных наезднических способностей алан, высокой оценке Аррианом аланского коня, на Западе во второй половине IV в. степной лошади стали приписывать сверхъестественные качества.

Восстановление относительного мира и порядка в империи, достигнутое Диоклетианом, не способствовало, однако, возрождению исторических исследований. По крайней мере, ничего значительного за этот период до нас не дошло. Сохранилось только несколько упоминаний об аланах. Так Юлий Валерий, который перевел ПсевдоКаллисфена на латинский язык, заносит алан в список народов, отмеченных в его (Псевдо-Каллисфена — ред.) источнике. ПсевдоКаллисфен упоминает скифов, арабов, оксидраков, иберов, зеров, дауконов, дапатов, агроев, залдоев, халдейцев, агрофагов, донитов, боспорцев, месопотамцев. Юлий почему-то исключает боспорцев, агроев, халдейцев и месопотамцев в своем «переводе» и вместо них добавляет индусов, финикийцев, парфян, ассирийцев и алан. Тех же, кого Псевдо-Каллисфен именуется «великими восточными народами», Юлий заносит в перечень «варваров».

Переведенные Эгесипом на латынь «Иудейские войны» Иосифа Флавия представляют собой другой пример искажения текста оригинала, касающегося алан. Там, где Иосиф описывает алан как скифский народ, о котором он упоминал ранее, Эгесип определяет алан как «свирепый народ», о котором долгое время не знали на Западе.

Латинский перевод, осуществленный Фестом Руфом Авиеном, греческой поэмы Дионисия Старшего о земле и народах, ее населяющих, также расходится с текстом оригинала в местах, касающихся алан. Если Дионисий описывает алан как могущественный народ и отмечает их наезднические способности, то Авиен склонен называть их свирепыми, *Tabula Peutingeria*, эта сомнительная карта того времени, помещает алан к северу от Черного моря среди нэрвов и аспергиан.

Хотя ни один из этих скудных источников не дает достаточной информации о жизни современных алан, они (источники) несомненно свидетельствуют о все возрастающем интересе Рима к аланам.

Изменение старых текстов с целью включения в них информации об аланах и само включение алан в те работы, которые даже не упоминали о них, свидетельствуют как о беспокойстве Рима, так и об усилении роли самих алан.

То что на Западе мало знали о жизни алан в период становления империи, может быть частично объяснено недостатком исторической светской литературы. Поэтому следует кратко обрисовать политическую жизнь того времени. Те аланы, которые обитали на территории империи, равно, как и те, что жили на границе (подобно племенам, породившим императора Максимиана), находились на стадии далеко зашедшей ассимиляции. К примеру, уже поколение императора Максимиана не знало ни готского, ни аланского языков, оно владело только местным фракийским говором; а некоторые, подобно Максимиану, уже знали латынь. Та часть алан, которая проживала за пределами империи и не была ассимилирована мирным путем, продолжала заниматься набегам и грабежами. Однако в период, предшествующий восшествию Диоклетиана на престол, эти аланы потерпели ряд сокрушительных поражений и, таким образом, уже не представляли серьезной опасности для Рима. К тому же за победами Аврелиана и Пробса над аланами вскоре последовали военные реформы Диоклетиана, значительно укрепившие границу.

Недостаточность доступного материала по аланско-римским отношениям в течение первых трех веков н. э. возмещается до некоторой степени описаниями Аммиана Марцеллина. Он собрал многое из того, что тогда было известно об аланах, и пытался осмыслить этот материал. К тому же он участвовал в походе через восточные земли империи и вполне мог иметь прямые столкновения с аланами; можно, по крайней мере, допустить, что он знал людей, которые имели отношение к аланам.

Аммиан утверждает, что аланы, которых он помещает за Дунаем, заимствовали свое название от Аланских гор в Европейской Сарматии; то же самое утверждает Птоломей. Далее Аммиан сообщает, что аланы «населяют бесконечные просторы Скифии» и что они кочуют от Азовского моря до Киммерийского Боспора через Мидию и Армению. Он также говорит об аланах в Скифии, населяющих Имаусские горы.

Однако, Аммиан может ошибаться в своем предположении, что аланы заимствовали собственное имя от Аланских гор, поскольку нельзя установить, имели ли эти горы такое же название до того, как народ под названием «аланы» продвинулся столь далеко на запад, Аммиан также был недостаточно информирован об аланах на востоке, что, однако, понятно, поскольку сам он жил в Римской империи.

Согласно Аммиану аланы подчинили себе многие народы и ассимилировали их. Среди

этих народов были нэрвы, видианы, гелоны и агатирисы, Среди соседей алан упоминаются меланхелены и антропофаги, а также амазоны. Этот перечень народов, несколько мифических и в некоторой степени очень древних, не должен, однако, вводить в заблуждение читателя относительно основной точки зрения Аммиана, что аланы были Смесью разных народов. Он пишет: «Таким образом, аланы... хотя и были отделены друг от друга и странствовали на огромных территориях как кочевники, с течением времени объединились под одним названием „аланы“ из-за сходства в своих обычаях, диком образе жизни и вооружении».

Из сообщения Аммиана с уверенностью можно заключить, что аланы были культурной общностью, состоящей из многих народов, а не просто языковой или «расовой» группой. Только лишь наличие некоторых общих обычаев создавало впечатление сходства у тех, кто наблюдал жизнь алан, и у самих алан тоже. Несмотря на разноплеменный состав алан, Аммиан все же утверждает, что «почти все аланы высокого роста, красивы и светловолосы». Далее он замечает, что аланы наводили страх суровостью своего взгляда. Тем не менее трудно согласиться с утверждением, что все аланы имели общие, при различном происхождении, внешние черты. Этот внешний образ относится, быть может, к «настоящим» аланам или к определенному племени алан, о котором у Аммиана была подробная информация. Более вероятно, однако, что Аммиан в данном случае стремился показать существенное различие между аланами и гуннами.

Вначале он отмечает, что аланы и гунны схожи во многом, но затем описывает последних как низкорослых, уродливых и безобразных.

В сочинениях западных авторов аланы изображаются как примитивные кочевники, жившие в деревянных повозках, покрытых лубом и передвигавшихся при помощи тягловых быков. Вся домашняя жизнь семьи проходила в этих повозках. Аланы, кочуя, перегоняли с собой табуны лошадей, крупный рогатый скот, стада овец. Скот и овцы давали им мясо и молоко, их основную еду. Аланы употребляли также дикие фрукты. Пища добывалась также охотой, которая играла важную роль в социальной и экономической жизни алан. Охота давала мясо и кожу, а также кость и рога; зубы использовались для изготовления инструментов и украшений, кости животных нередко употреблялись в качестве топлива.

В поисках пастбищ для скота аланы часто перекечевывали с одного места на другое и поэтому не ставили даже примитивных хижин, используя повозки как жилища. На стоянках повозки ставились в круг — возможно, в целях эффективной обороны, а скот выгоняли пастись вне лагеря. Аланы любили останавливаться на берегах рек не только из-за близости воды, но и из-за сочной и пышной травы. К Тому же вдоль речных берегов было много ягод. Как все кочевники, аланы не возделывали землю и не считали ее принадлежащей кому-либо.

Скотоводческая основа хозяйства, характерная для степных кочевников, препятствовала росту численности алан. Относительно небольшие пастушеские общества бродили по обширным степям в поисках корма для своего скота.

Низкий уровень материальной культуры в значительной степени определял их социальную структуру. Общество, по-видимому, делилось на две части по принципу распределения труда: те, кто воевали и занимались охотой, составляли одну группу, а не занятые этими делами — другую. В последнюю группу входили женщины, дети и старики, которые играли в обществе соответственно меньшую роль. К старикам относились с пренебрежением, поскольку они не погибли в бою, что аланы считали единственно достойным завершением жизни.

Более поздний источник сообщает, что у алан существовала полигамия; это тоже

ограничивало влияние женщин в обществе.

Согласно свидетельствам современников, рабства в той форме, в которой оно было известно в античном мире аланы не знали. Отсюда можно предположить, что все необходимые в хозяйстве дела выполняли женщины, дети и старики. Они чинили повозки, готовили пищу и выполняли всю посильную работу. О ремесленниках, как прослойке, в источниках не упоминается.

Поскольку у алан не было рабства, возникает вопрос — что они делали с пленными. Известно, правда, что важных пленных они возвращали за выкуп, но что делали с другими? Возможно, у алан практиковался обряд усыновления. Лукиан, хорошо информированный о скифах и аланах, отмечает между ними большое сходство, а также то, что первые имели обычай, которые современные историки классифицировали бы как ритуал усыновления. Включение военнопленных в состав своей семьи или клана было частым явлением в жизни кочевых народов. Существованию этого обычая у алан мог способствовать их разнородный состав (из разных племен и групп).

Можно предположить, что данный обычай является миниатюрным отображением более крупных процессов ассимиляции аланами соседних племен.

С политической точки зрения всех воинов в Алании считали главными членами общества. Вождей любого ранга выбирали из самых опытных, закаленных в битвах мужей. Трудно, однако, установить, влияли ли на этот процесс родственные связи или он осуществлялся по другим соображениям. Ясно, тем не менее, что у алан не было института старейшин, как у современных им германцев. Если у германцев было принято уважительное отношение к старикам, как мудрым и знающим людям, то аланы презирали своих стариков, как трусов и выроdkов.

Религия была одним из элементов, объединявших алан. Как и все другие черты аланской жизни, она имела довольно примитивный характер. Согласно Аммиаку, у алан не было жертвенников и храмов и, по-видимому, не было священнослужителей. Они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в голую землю. Неясно, однако, мог ли для этой цели служить любой меч или годился только особый. Но в любом случае меч символизировал бога войны, называвшегося в Риме Марсом. Этот бог войны является единственным известным нам аланским божеством. Полагали, что он покровительствует и местам, где жили аланы. А вообще поклонение богу войны было обычным явлением среди степных варваров в IV столетии, равно как и его символу-мечу.

Более поздний историк свидетельствует, что аланы поклонялись и духам предков или, точнее, чтили своих предков. Данный обычай вполне соответствует кочевому образу жизни и верованиям алан по описанию Марцеллина. Умершие предки — по верованиям алан — бродили среди своих потомков. «Счастливым покойником» у алан считался тот, кто погибал в бою, служа богу войны; такой покойник был достоин почитания.

Аланы также проявляли большой интерес к предсказанию будущего или, по крайней мере, к предзнаменованиям. В определенное время, перед откочевкой на новое, видимо, место, какие-то аланы, статус и общественное положение которых трудно определить, собирали пучки ровных ивовых прутьев и бросали их на песок, произнося при этом заклинания. По тому, как рассыпались прутья, гадальщики предсказывали или, точнее, читали будущее. Данный обряд, подобно культу предков, имеет известные восточные параллели. К тому же установлено, что некоторая часть алан контактировала с китайцами перед своим исходом на запад.

Поскольку аланское Общество было в основном ориентировано на войну, мальчиков с

детства обучали верховой езде (аланские воины считали унижительным для себя ходить пешком). Разведение лошадей было любимейшим занятием алан, и мы знаем, какой популярностью пользовались их лошади на Западе. Как указывалось выше, аланы избирали себе вождя из самых опытных воинов, их божеством был бог войны, а его символом — обнаженный меч, вонзенный в землю. Погибшие на войне считались счастливыми и почитались потомками. Те же мужчины, которые доживали до старости и уже не могли воевать, презирались, как трусы.

Вооружение и военная тактика, другие аспекты аланской общественной жизни придавали одинаковые черты разноплеменному составу аланского общества. Описание решительных действий аланской кавалерии, ее способность биться, отступать, поворачивать обратно и снова сражаться, сделанное Аррианом, подробно освещено Аммианом и более поздними современниками. Аммиан сообщает, что военное искусство алан очень схоже с тактикой гуннов. Относительно по следних он писал: «Они вступают в бой, выстроившись клинообразно, а их дикие вопли во время атаки наводят ужас. И они легко одеты, чтобы быстро передвигаться и быть готовыми к неожиданным действиям, они способны преднамеренно распадаться на отдельные группы и стремительно атаковать в полном беспорядке, учиня жесточайшую резню при необычной быстроте передвижения... они начинают бой на расстоянии с помощью метательных снарядов... они быстро, в несколько переходов, преодолевают большие пространства и бьются в открытом бою на мечах».

Аланы Также издают устрашающие звуки, начиная бой, и, подобно гуннам, пользуются арканом. Замечательная, по свидетельству Аммиана, маневренность алан состоит, как указывали Арриан и Лукиан, в том, что «они легко и умело пользуются оружием», что особенно хорошо видно по тактике ложного отступления. Как уже отмечалось, Арриан считал, что ложное отступление алан, обычное для степной тактики (используемое также гуннами), было особенно опасным.

В данной главе мы попытались описать и обсудить сообщения римских авторов за три века. Согласно их сведениям, аланы тогда населяли центральную Азию и юг России. Хотя данное обстоятельство может вызвать у современного читателя недоумение, оно, тем не менее, свидетельствует о кочевом образе жизни аланских племен и раздробленности их политической организации. Некоторые сведения римлян об аланах были, возможно, не верны, как в случае с Аммианом Марцеллином, сообщившим, что аланы заимствовали свое имя от Аланских гор. Другим примером может служить его утверждение о том, что аланы все были высокими, светловолосыми и красивыми. Хотя такого рода сведения Марцеллина могут показаться сильно Преувеличенными, на самом деле они могут быть и верными. Сообщение о том, что аланы в качестве трофея сдирали кожу со своих убитых врагов и использовали ее для изготовления конской сбруи, повидимому, не более, чем одна из историй, которыми обычно пугают малых детей. Однако, если мы вспомним обычай снимать скальп и отрубать головы, бытовавший в некоторых первобытных обществах, то трудно будет полностью отказаться и от подобных сообщений как предвзятых выдумок недружелюбных информаторов.

Важным аспектом исследования аланского общества является механизм, с помощью которого другие народы ассимилировались аланами. Любопытно, что не только целые племена ассимилировались ими, но также и отдельные индивидуумы: захваченные в плен и не используемые в качестве рабов, они становились членами семей захватчиков. С другой стороны, у алан прослеживается тенденция к ассимиляции другими народами. Так, на границах Фракии аланы отступились от своего кочевого образа жизни, осели и даже выучили

местный язык, отказавшись, видимо, от родного. Но даже после того, как они стали жить оседло и смешались с другими народами, они все сохранили свое искусство верховой езды и ведения скотоводческого хозяйства.

Было бы, однако, слишком неосмотрительно делать какие-либо определенные выводы, основываясь на ограниченном объеме источников. Тем не менее, есть все основания предполагать, что аланы в период их проживания за пределами Римской империи представляли собой стойких и выносливых воинов-наездников, которые вели довольно примитивный кочевой и воинственный образ жизни. В плане культурного развития аланы выработали у себя способность ассимилировать завоеванные ими народы и в такой же степени ассимилироваться другими культурами. Именно это последнее и случи лось с ними, когда аланы начали продвигаться на Запад, вступая в пределы Римской империи.

ГЛАВА II ДВИЖЕНИЕ АЛАН НА ЗАПАД

Когда в начале 70-х гг. IV века в степях Южной России появились гунны, первый народ, с которым они столкнулись, были аланы. В течение нескольких лет отряды алан и гуннов вели войну, предавая огню стоянки друг друга, воруя и угоняя скот. В результате гунны изнурили алан и заняли господствующее положение в степи. Часть непокоренных алан ушла на запад, остальные подчинились гуннам.

Некоторые племена алан вместе с гуннами выступили против остготов, живших на землях между аланами и гуннами, с одной стороны, и Римской империи, с другой. Когда король остготов Эрманрих увидел, какая опасность грозит его народу, он покончил с собой. Преемником Эрманриха стал Витимир, который заручился поддержкой гуннов в борьбе против захватчиков. Однако в жесточайших сражениях алано-гуннские войска нанесли сокрушительное поражение готско-гуннским объединенным силам. В одном из сражений Витимир был убит, и власть над готами перешла к двум вождям — Алатею и Сафраксу, которые стали управлять готами. Считают, что имя Сафракс — аланское. Как бы там ни было, эта часть готов двинулась к южной границе Римской империи.

К 376 г. громадные массы степных народов, — это были в большинстве своем вестготы, — предприняли попытку пересечь границы Римской империи. Одной части варваров Рим открыл границу; другие группы перешли границу без разрешения. Чаще всего римские власти обращались с этими поселенцами плохо, отнимая у них имущество, вымогая непомерную плату за продовольствие и насилуя мальчиков и женщин.

В ответ на произвол варвары объединились в отряды для грабежа римских провинций, Аланы, готы и гунны, объединившись, пошли походом на Францию, территорию Рима. Другие аланы, действовавшие в Дакии, напали на императора Грациана, направлявшегося на восток для оказания помощи Валенсу против варваров. Еще одна группа алан примкнула к готам под предводительством Фритигерна и к силам готов Алатея и Сафракса, незадолго до этого тоже объединившихся. Эти силы варваров столкнулись близ Адрианополя в 378 г. с армией императора Валенсы, которая потерпела сокрушительное поражение.

Главный удар войскам императора нанесла кавалерия алан и готов, заставшая фланг римской армии врасплох и обратившая его в бегство.

После Адрианопольской битвы, в которой Валено погиб, а восточноримская армия потерпела страшное поражение, большая часть алан примкнула к победителям. Эти силы

вместе с отрядом гуннов также присоединились к ним после битвы у Адрианополя и даже пытались — правда, безуспешно — захватить Константинополь.

Было бы, однако, не совсем правильно утверждать, что степные народы, включая и алан, вошедшие в империю, объединялись, чтобы разорять римские земли. Между самими варварами столкновения были отнюдь не редкостью: так, готы часто враждовали друг с другом, а также с аланами и гуннами, аланы и гунны, в свою очередь, воевали друг с другом в союзе с готами и без них. В дополнение ко всему, в армии Грациана состояли на службе в качестве наемников аланы, которые сражались против своих же из варварских отрядов. Такие временные и непрочные союзы и договоры являлись результатом хаоса, посеянного в варварском мире гуннским нашествием.

АЛАНЫ И ВЕСТГОТЫ

Среди вестготов во главе с Фритигерном и его преемниками оказалась большая часть тех алан, которые атакой своей конницы предрешили исход Адрианопольского сражения. После того, как Аларих сменил Фритигерна, аланы продолжали играть значительную роль в планах вестготов. В одном документе того времени, повествующем о многочисленных битвах Алариха со Стилихоном, аланы, по крайней мере в одном случае, выделяются, как важный элемент вестготских военных сил. В 409–410 гг., когда войска Алариха угрожали Кампани, а затем взяли и разграбили Рим, Павлиний Нола, настоятель одного из монастырей, был весьма напуган возможностью оказаться в руках у «свирепых алан».

Следует подчеркнуть, что большая часть этих событий подробно описана автором VI века Иорданом, готом по происхождению, восхвалявшим достоинства готов и питавшим неприязнь к аланам.

Таким образом, известные нам сведения об аланах, сопровождавших вестготов, почерпнуты, не считая записей Иордана, большей частью из источников, в которых нет пристрастного отношения ни к готам, ни к аланам. Например, Аммиан Марцеллин сообщает о решающей роли аланской кавалерии у Адрианополя, хотя его больше интересовала судьба Римской империи в связи с исходом этой битвы. Огромная роль алан в военных предприятиях вестготов стала очевидной в 414 году, когда вестготский король Атаулф повел свой народ в Южную Галлию в поисках места для поселения. Вестготы установили контроль над Нарбонной, Тулузой и Бордо. Однако, у Базаса вестготы и их союзники-аланы были остановлены. Граф Павлиний Пелла, приятель аланского вождя, в это время находился в осажденном Базасе. Павлиний рискнул выбраться из осажденного города, чтобы поговорить с аланским военачальником в надежде, что ему с семьей позволят выбраться из города. Хотя аланский вождь не мог тут же помочь другу, все же он дал знать Павлинию, что у него есть свой план снятия осады, который он попытается осуществить. Были обговорены детали; Павлиний, в частности, пообещал даровать аланам землю для поселения. Аланский вождь в доказательство доверия к графу посла в Базас свою жену и любимого сына в качестве заложников. Павлинию разрешили вернуться в город, и аланы вместе с женщинами и детьми отделились со своими повозками от готов и расположились лагерем вокруг городских стен.

Готы, лишенные поддержки алан, сняли осаду. А дальше стычка с Константином, римским военачальником в Галлии, вынудила готов покинуть Южную Галлию. Они пересекли Пиренеи и в 415 году вошли в Испанию.

Аланы отошли от готов в обмен за обещание графа даровать им землю для поселения.

Намерение алан поселиться в Южной Галлии устраивало Константина, который, конечно же, хотел, чтобы готы остались в Испании.

Он поспешил утвердить договор, который Павлиний заключил с аланами. Раздел земли был осуществлен в районе между Тулузой и Средиземным морем, так что аланы могли держать под контролем прибрежные пути, особенно Домицианскую дорогу, связывавшие Галлию с Испанией. В этом районе аланские воины-поселенцы или, возможно, их потомки, дали свои названия городам Аланскану (Од), который сегодня уже не существует, но раньше располагался в трех милях от Нарбонны; Аленье (Восточные Пиренеи) в 25 милях северо-западнее Эльна; Ланету (Од) к северу от Лансака; Алайну (Од) милях в 25 северо-западнее Ланета и Алану (Верхняя Гаронна) милях в 60 к северо-западу от Алейна.

Среди вестготов, союзников алан, были две сильные группировки: одна из них поклялась в вечной ненависти к Риму, в то время как другая стремилась перейти на службу к римлянам, Атаулф, Король другой группировки, в самом начале своей карьеры был резко настроен против Рима и даже хотел изменить Romania на Gothia.

Однако опыт собственного правления убедил его в неосуществимости этих планов, и тогда он решил служить Риму и даже вернуть ему прежнее величие с помощью готов.

Вскоре после того, как аланы короля Атаулфа примкнули к Romania или Gothia, Атаулф был предательски убит, и лидер враждебной Риму фракции Валлма сменил его на престоле. Не будет преувеличением сказать, что аланы, отделившись от готов в Базасе, поддерживали равновесие между двумя готскими фракциями и что их проримские настроения помогали Атаулфу, а до него Алариху, удерживать власть в своих руках. Уход алан от вестготов, по-видимому, имел следствием не только их вхождение в империю, но и смерть короля Атаулфа и, кроме того, привел к господству фракции, ненавидевшей империю.

В течение примерно десяти лет после расселения алан в Южной Галлии Клавдий Мариус Виктор, преподаватель риторики из Марселя, описал их религиозные верования. В своей поэме *Alethia* он, не касаясь происхождения алан, рассказывает об их «примитивных» формах религии. Он отмечает, что обычай жертвоприношения духам предков, который он характеризует, как элемент аланской религии, представляет собой явление более отсталое, чем политеизм греков и римлян. Отсюда ясно, что эти аланы, хотя и находились в союзе с готами более трех десятилетий, не приняли арианства своих германских союзников, С другой стороны, критические замечания Клавдия относятся только к религии алан. Этот факт следует, по-видимому, относить к нетерпимости ортодоксальных христиан к язычникам. Комментарии Клавдия также позволяют предположить, что аланы выполняли свое обещание, данное графу Павлинию, — охранять мир в местах своего расселения. Таким образом, в течение четверти века после обоснования алан между Тулузой и Средиземным морем, они оставались преданными союзниками империи, пользуясь благами римского госпиталитета. В то же время их соседи и союзники вестготы время от времени нарушали свои соглашения с Римом.

Поэтому Аэций, римский военачальник в Галлии, лишившись около 439 года поддержки гуннов, сразу же обратился за помощью к аланам.

В 440 г. аланский вождь Самбида согласился поселиться со своим народом на пустующих землях в пойме Роны. По-видимому, эти аланы были выходцами из района между Средиземным морем и Тулузой, поскольку жили ближе всех к новым аланским поселениям вдоль Роны.

Топонимические названия Аллан, Аллансон, Алленсон, наличествующие к югу от

Валенсии в радиусе 45 миль, свидетельствуют о продолжающемся влиянии алан в период раннего средневековья.

Эти аланы, жившие в Валентинуа, не только помогали охранять границы в подвластной Риму Южной Галлии, но препятствовали и экспансии вестготов на восток. В дополнение к этому они охраняли западные подступы к Альпам и Италии. В 457 г. император Майоран призвал часть галльских алан, возможно из Валентинуа, на помощь в войне против вандалов в Испании. Император потерпел поражение от вандалов, и тогда аланы под предводительством своего нового вождя Беогара стали совершать набеги в Южную Галлию и угрожать Северной Италии. Майоран вынужден был выступить против них, но был убит в Торлоне. А аланы вторглись в Италию и опустошали ее северные области до тех пор, пока вестгот Рицимер, первое лицо после императора, не разгромил их. В этой битве, происшедшей у Бергамо в 464 г., аланский вождь Беогар был убит. Часть его разбитого войска поселилась среди уже живших в северной Италии алан, другие вернулись в Галлию.

АЛАНЫ В ИТАЛИИ

Когда аланы появились на Западе, часть их была принята на военную службу императором Грацианом. Он добился этого, одарив алан золотом и обеспечив им привилегированное положение, вопреки недовольству в римской армии из-за особой расположенности императора к аланам. Впоследствии Грациан был убит за это.

Феодосии I, правивший империей после смерти Грациана, тоже привлекал алан на военную службу. Некоторые из этих алан, возможно, попали в Рим первоначально в качестве пленников, поскольку Феодосии часто и в общем успешно воевал против алан.

Согласно источнику того времени, вид связанных пленных алан не был таким уж редким явлением в городах Италии.

Вполне вероятно, что хотя бы часть алан, служивших Грациану и Феодосию, оставалась на военной службе и у Гонория, преемника последнего. В 401 г. Стилихон, один из полководцев Гонория, возглавил кампанию против вестготского короля Алариха, вторгшегося в Италию. Когда Стилихон встретил вестготов у Полленции, то в предстоящем сражении главную роль отвел аланскому войску. Аланский военачальник, который, несмотря на то, что был язычником, носил имя Саул, возможно, даже руководил всем сражением. Как бы то ни было, Саул настолько переусердствовал, что не позаботился отрезать пути отступления вестготам, вследствие чего Аларих, хотя и был разгромлен, смог избежать плена.

Это была третья по счету победа Стилихона над Аларихом и все три раза предводителю готов удавалось бежать. Поэтому появились слухи, что будто не только Стилихон, но и вождь алан, который, повидимому, и позволил Алариху уйти, не верны Риму. И наличие в войсках Алариха значительного количества алан косвенно подтверждало эти слухи.

Когда Аларих со свежим войском опять вторгся в Италию, Стилихон вновь обратился за помощью к аланам. И когда аланы выказали обиду из-за недоверия к ним, Саул, вождь алан, убедил воинов в том, что они теперь являются подданными Рима и поэтому настаивал на участии в сражении, а при необходимости даже отдать жизни за империю.

Стилихон не только доверял аланам, но и отводил им в Веронской битве против Алариха важную роль. Вождь алан Саул, изображаемый современниками как маленький, обезображенный шрамами воин с дикими сверкающими глазами и мужественным лицом,

возглавил один из флангов Римской армии и нанес сокрушительный удар готам. Его гибель в самый разгар сражения сняла с него всякие подозрения в предательстве. Согласно Клавдиану, гибель Саула привела его войско в такое замешательство, что оно отступило. Это поставило фланг Стилихона под угрозу ответной атаки со стороны готов. Стилихон, однако, при помощи пехоты и «быстро оправившейся» аланской конницы, успешно выдержал напор готов. Возможно, правда, что это отступление алан было вариантом всего лишь их тактики ложного отступления. Это похоже на правду, тем более что аланы быстро вернулись на поле сражения и наладили согласованные действия с пехотой Стилихона.

Несмотря на потерю своего вождя, доказавшего таким образом свою верность империи, аланы, жившие в Италии, продолжали служить Риму.

В 405 г., когда орда варваров угрожала вторжением в Италию, Стилихон снова встретил со стороны алан готовность защищать свою новую родину.

Аланы, из которых состояла основная часть армии Стилихона, были не просто наемными солдатами; они были одержимы идеей стать подданными империи. Один из современников поэтически выразился об этом так: «Вы, аланы, которые переняли обычаи римлян». Это свидетельствует не только о желании алан стать частью римского мира, но и о необычайной предрасположенности алан к ассимиляции, отмеченной на Западе, как их характерная черта, которую они де монстрировали еще кочуя в степях России.

Расселение алан в Италии в качестве военных поселенцев, осуществлявшееся Стилихоном или, возможно, даже еще раньше Феодосием I, происходило в соответствии с долгосрочной политикой империи. Поселенцы получали от казны деньги, а взамен несли военную службу. Именно в это время в Италии дислоцировался отдельный аланский полк римской армии.

Этот полк нес службу в северной Италии, по крайней мере, до 487 г., когда он располагался в Равенне.

Служба алан в римской армии оказывала значительное влияние на развитие римской кавалерии, Вегеций напоминает, что военное искусство готов, алан и гуннов способствовало улучшению римской кавалерии, но, с другой стороны, выработало у римлян и пренебрежительное отношение к пехоте. Более того, Грациан пал, возможно, потому, что он первым намял алан для службы в римской армии, ускорив тем самым упадок пехоты, прежней основы римской военной силы. К концу IV века римские офицеры (если верить сообщениям Вегеция о существовании этой категории военных) считали римскую кавалерию настолько хорошей, что она не нуждалась в улучшении. И, в самом деле, боевые качества римской конницы, приобретенные благодаря аланам и другим кочевникам, стали предметом восхваления. Для Вегеция, например, высшей оценкой наезднических способностей императора было сравнение монарха с аланами и гуннами.

Современные источники, отмечающие факт ассимиляции алан римской культурой, сообщают о службе алан в римских войсках и о влиянии, которое они оказывали на развитие римской кавалерии. Тем не менее, *Notitia Dignitatum*, в котором следовало ожидать найти включенные в списки военных колоний аланские поселения, обеспечивающие армию Стилихона аланскими воинами, характеризует эти поселения не точным термином «сарматские». Сведения об аланах в Италии, приведенные выше, позволяют предположить, что определение «сарматские» применимо не ко всем поселениям. Статья из Кодекса Феодосия подтверждает это. Там ясно упоминаются *Alamanni*, как военные поселенцы в Италии. Вопрос, является ли наименование *Alamanni* ошибочным названием *Alani* (что, кстати, встречается довольно часто и в классических, и в раннесредневековых источниках)

или пра вильным, не так важен, как сомнение, которое вызывает эта статья закона относительно термина «сарматские». В данном контексте следует обратить внимание на то, что вождя алан Саула его современники называли *praefectus*, то есть титуловали так же, как верховное лицо колонии.

Любая попытка, однако, установить, какое из поселений, внесенное в *Notitia*, как сарматское, населяли аланы, может быть, в лучшем случае, только догадкой. Надо помнить, что многие из действительно сарматских колоний в Италии, если не все, были известны еще в правление Константина Великого в IV веке. С момента литературной фиксации этих колоний до появления интересующего нас раздела *МогШа* прошло более 75 лет — срок вполне достаточный, чтобы некоторые поселения внутри колоний исчезли; таким образом, можно сделать вывод, что аланы поселились в местах, которые когда-то занимали сарматы и где последние, возможно, все еще жили. Вероятно, такие смешанные поселения были возможны и даже естественны вследствие большого сходства культур алан и сарматов, включая язык, а также принимая во внимание хорошо известную склонность алан к ассимиляции. Поэтому можно предположить, что поскольку аланы только «заполняли» существовавшие сарматские места обитания, составители *Notitia* не видели причины изменять названия, которые были в ходу в течение столетия или даже дольше.

Известно, что чиновники в основном консервативны, и у нас есть основания полагать, что составители *Notitia* были очень даже консервативны.

Продолжая наши рассуждения, следует отметить, что из трех сражений, проведенных римской армией Стилихона, преимущественно состоявшей из алан, два проходили в месте размещения аланских военных поселений, Полленция, которую аланы страстно желали освободить, так что даже напали на готов в Великую страстную пятницу, чем отдалили от себя своих христианских друзей, находилась только в 25 милях южнее поселения в Турине. Верона, где аланы храбро сражались, а их военачальник Саул даже пожертвовал жизнью, тем самым доказав свою преданность Риму, являлась в то время центром другой аланской колонии. И вряд ли будет преувеличением, если мы предположим, что семьи аланских воинов, так замечательно сражавшихся под Вероной и Полленцией, жили в стенах этих же городов. Это тем более вероятно, что войско алан, находившихся на службе у Стилихона в 405 г., было призвано защищать северную Италию, в которой размещались все аланские поселения, от громадных орд варваров.

По крайней мере еще два других города Северной Италии, которые были чем-то вроде штаб-квартир для военных поселений, стали ареной военных действий, в которых аланы принимали непосредственное участие во второй половине V века. На пути к месту восстания алан император Майоран, направлявшийся туда с карательной акцией, был убит в Тортоне. Через несколько лет Рицимер разбил алан у Бергамо, города, находившегося в самом центре аланских колоний Новара, Зармарат и Верона.

Упомянутые выше сарматские военные колонии были расположены по всей Северной Италии и защищали большинство главных путей, ведущих к Альпийским проходам с севера на юг, а также дороги полуострова с востока на запад. Значительное число поселков с названиями, предполагающими либо присутствие здесь алан, либо их влияние, сосредоточено среди городов со штаб-квартирами этих военных колоний. Так, в 5 милях севернее Аосты по дороге от прохода св.

Бернарда к сарматскому поселению Иврея, стоит город Аллейн. Он располагается в 30 милях восточнее Алагны, стратегически важного военного центра. К югу от него, примерно в трех милях северозападнее колонии Верселли, располагается другой город Алагна. К юго-

востоку от Варселли по дороге на Павию на широкой равнине По находится город Алагна Ломелина. Между городами со штаб-квартирами Тортона и Кремона, всего лишь в 10 милях севернее Сармато, стоит город, который упоминается в средневековых документах под названием Аландриано (современный Ландриано). Дальше на север и на восток по дороге в колонию Верона находится еще один город Аллегно, а к востоку на дороге, ведущей от Альп к колонии Одерза, располагается Алано ди Пиаве.

Очевидно, таким образом, что термин «сарматские», употребленный для описания римских военных колоний в Северной Италии, не совсем точен и что к началу IV столетия наиболее правильным, отражающим истинное положение дел, был бы термин «алано-сарматские».

Поскольку значительное число аланских названий сохранилось до наших дней, можно допустить, что историк из Ломбардии, священник Павел, использовал слово «сарматский» для обозначения и алан, когда указывал в VIII веке, что географические названия «сарматского» происхождения еще сохраняются в Северной Италии. В заключение следует отметить, что важные в военном отношении силы алан располагались в стратегических точках Северной Италии, в непосредственной близости от более ранних поселений родственных им сарматов.

АЛАНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Когда в 392 г. император Феодосий I выступил в поход против узурпатора Евгения, он увел с собой большую часть Восточной армии, в Константинополе император оставил править старшего сына Аркадия, однако, фактически там правил Руфин из среды галло-римской знати, человек незаурядных способностей. Так как восточная часть империи по существу осталась без войск, то Руфин счел необходимым пригласить варваров для охраны Константинополя. Среди варваров, соблазненных римским золотом и перспективой привилегированной службы в восточной части империи, оказались и отряды алан и гуннов.

В 395 г. Гайнас, готский военачальник и сторонник Стилихона, возглавлявшего войска на западе, привел обратно в Константинополь большую часть войск Феодосия. Как только Гайнас вернулся в Константинополь, он убил Руфина. И это послужило сигналом к ожесточенной борьбе за власть между германской партией, во главе с Гайнасом, и антигерманской оппозицией. В 400 г. антигерманская партия одержала верх, и Гайнас вместе со своими готскими сторонниками был убит, после чего в течение двух десятилетий в Константинополе господствовали римляне.

В этой борьбе поддержку антигерманской партии оказали гунны во главе с Улдисом, который раньше вместе с аланами служил Руфину. Если гунны, однако, впоследствии потеряли всякий интерес к службе империи, то часть алан осталась верной Константинополю. По крайней мере к 421 г. один из них, некий Ардабурий, поднялся до высокого звания военачальника восточной римской армии. В том же году он повел римское войско против персов в Арзанене и нанес им поражение. Он добился этой победы успешной осадой укрепленного города Нисобиса.

Три года спустя Ардабурий уже командовал восточно-римским войском, вторгшимся в Италию, чтобы свергнуть узурпатора Иону и посадить на престол Валентиниана III. Сын Ардабурия Аспар возглавлял кавалерию. После временных неудач восточно-римская армия добилась крупного успеха, так что в награду за удачно проведенную операцию Ардабурий в

427 г. был произведен в консулы, Хотя он и сохранял важные командные посты в Константинополе по крайней мере до 442 г., наибольшую популярность в Восточно-римской империи все же приобрел его сын Аспар, В 431 г. он во главе огромной армии вторгся в Северную Африку, занятую вандалами.

Вторжение римских войск вынудило Гейзериха, короля вандалов и алан, недавно занявших Северную Африку, временно снять довольно продолжительную осаду города Гиппо. Аспар повел свое войско против Гейзериха, но в открытом бою варвары одержали решительную победу над Восточно-римской армией. После этого Аспар еще три года пробыл в Африке, где ему удалось заключить договор между империей и Гейзерихом. По-видимому, этот договор имел большое значение для Рима, хотя он и был неофициальным до 435 г. Валентиниан, тогда правивший в Риме, произвел Аспара в консулы в 434 г. — вероятно, в награду за этот договор. До наших дней сохранился красивый серебряный диск, изображающий Аспара с его семейством во время присвоения ему консульского звания.

С 430 по 440 гг. Аспар возглавлял армию Восточной империи. Когда Гейзерих в 439 г. овладел Карфагеном, Феодосий II в ответ послал сильный флот и армию на Запад. Военачальники — это были и родственники Аспара — ни разу не напали на вандалов и довольствовались пустым времяпрепровождением в Сицилии и ее окрестностях. В 442 г. эти силы были отозваны для борьбы с гуннами на восточных границах. Однако еще до кампании Аспару удалось заключить договор с гуннами, которые в том году больше не беспокоили границы Восточной империи. В 443 г. войска Аспара, находившиеся со своими военачальниками на западе, наконец, возвратились и выступили против гуннов. Однако римляне потерпели поражение, а в последней битве при Херсонесе, как сообщает Приск, Восточно-римская армия практически перестала существовать.

Несмотря на это, Аспар продолжал играть значительную роль в Восточно-римской империи. В 447 г, старший сын его, названный в честь деда Ардабурием, был произведен в консулы. В 450 г., когда император Феодосий II уже умер, сенат Константинополя предложил Аспару занять императорский трон. Согласно имеющимся сведениям, Аспар отклонил это предложение, объяснив, что он не желает создать прецедент, который мог бы оказать неблагоприятное влияние на судьбы империи, что однажды уже имело место, — почти два столетия назад, когда Максимиан стал первым римским императором из варваров.

И он тоже был аланом. Аспар, однако, независимо от своего отношения к трону, интереса к политике не потерял. Он возвел на трон своего ставленника, Марциана, который не замедлил продемонстрировать свою верность Аспару, назначив Ардабурия командующим всеми войсками на востоке. А вскоре, кроме того, Марциан возвел Ардабурия в патриции.

Любопытная история о Марциане, рассказанная византийским историком Прокопием, наводит на мысль, что между Гейзерихом и Аспаром могло существовать некое неофициальное соглашение. Когда армия Аспара в 431 г. потерпела поражение от Гейзериха, Марциан, находившийся на службе в штабе Аспара, был захвачен в плен.

Согласно сведениям Прокопия, Марциан, приговоренный к смертной казни, был помилован, потому что на него упала тень орла, парившего в небе. Гейзерих, оказавшийся свидетелем этого чуда, усмотрел в нем предзнаменование, что Марциан станет императором. И даровал ему жизнь.

Эвагрий, современник Прокопия, предлагает несколько иную версию этой истории, вероятно, позаимствованную им из «Истории» Приска.

Эвагрий пишет: «Было еще обстоятельство, предсказывавшее императорский трон Марциану. Во время войны с вандалами Марциан был одним из многих, попавших к

вандалам в плен... и, по требованию Гейзериха, выведен вместе с остальными на равнину...»

Гейзерих сверху вниз с удовольствием смотрел на пленных... Усталый Марциан прилег на землю с намерением отдохнуть и даже поспать на солнце, которое для этого времени года палило необыкновенно сильно. Орел, паривший в небе, распростер свои крылья и, точно облако, заслонил Марциана от палящих лучей. Удивленный Гейзерих углядел в этом предзнаменование будущего. Он освободил Марциана, взяв с него торжественную клятву, что если тот станет императором, то будет верен договорам с вандалами и не станет предпринимать против них враждебных действий. Прокопий отмечает, что Марциан оставался верен данной клятве.

Ученые, однако, допускают, что эта история могла быть всего лишь полуофициальной пропагандой, используемой правителями Восточноримской империи для объяснения своей неспособности воевать с вандалами, которые в 455 г. окончательно разграбили Рим, не встретив при этом никакого сопротивления со стороны восточной части империи.

В данном контексте следует помнить, что Марциан был ставленником Аспара, и трудно представить, чтобы политика невмешательства в дела вандалов и алан в Северной Африке, которую демонстрировал Марциан, направлялась еще кем-либо, кроме Аспара, алана по происхождению и высшего военного должностного лица в Восточноримской империи.

Предположение о том, что Аспар и Гейзерих возобновили между собой какой-то особый договор в 431 г., подтверждается не только событиями, имевшими место в период правления Марциана, но также и более ранними свидетельствами. Во время пребывания Аспара в Африке (431–434) он поддерживал близкие отношения с Гейзерихом; они обменивались подарками и, возможно, заключили соглашение, которое, как уже упоминалось, принесло Аспару консульство с соответствующими почестями и влиянием. В 440 г., когда Феодосий II послал флот, чтобы отобрать Карфаген, незадолго до этого захваченный Гейзерихом, военачальники Аспара держали своих солдат в бездействии в Сицилии более двух лет, так что ни разу не вступили в бой. Когда в 457 г. Марциан умер и императором стал Лев, другой ставленник Аспара, отношения между Восточно-римской империей и Африкой оставались мирными, если не считать попытки Мажориана, императора Западно-римской империи, вовлечь Льва в опасную затею с завоеванием вандалов и алан.

В первые годы Аспар, по-видимому, успешно управлял Львом, Лев, в частности, пообещал отдать свою дочь Леонсию за сына Аспара, Патриция, и возвести будущего зятя в ранг кесаря, открыв ему, таким образом, дорогу к престолу. Лев также возвел младшего сына Аспара, Германериха, в консулы. Такая подчиненность, однако, не устраивала Льва. Отложив свадьбу Леонсии с Патрицием, он выдал другую дочь за исаврийского военачальника по имени Зено. Опираясь на поддержку Зено и его армии, Лев начал осторожно освобождаться от зависимости со стороны Аспара. Одно из разногласий, возникших между ними, касалось вопроса о том, кто будет Отправлен для Переговоров к Гейзериху. Вопреки мнению Аспара Лев послал к королю Тациана. Гейзерих, однако, решительно отказался иметь дело с Тацианом, поэтому тот вернулся обратно с сообщением о своей неудачной попытке заручиться молчаливым согласием короля с планами Льва.

Восточно-римские отношения с Африкой, таким образом, продолжали ухудшаться, что совпадало с намерением Льва действовать независимо от Аспара и препятствовать политике Гейзериха в западном Средиземноморье. В итоге в 467 г. на востоке распространился слух, что Гейзерих намерен оккупировать Александрию. Можно предположить, что набеги вандалов, отмеченные Прокопием (но не датированные), направленные против Иллирии и Греции, были прологом к нападению на Александрию.

Лев, однако, надеялся, что сможет в конце концов освободиться от Аспара и уничтожить одним мощным ударом вандало-аланское королевство в Африке. Он потратил огромное количество золота и серебра, чтобы собрать флот и армию для осуществления своего замысла. Поэтому он не хотел поручать командование этой операцией Аспару или кому-либо из его сыновей. Прокопий указывает, что Аспар пытался уговорить Льва отказаться от вторжения в Африку, ибо знал, что если Лев победит вандалов и алан в Африке, то это будет означать конец его, Аспара, влияния на Льва. Получилось так, что командующий римской экспедицией Базилик потерпел поражение не без влияния Аспара, что означало укрепление позиций алан в северной Африке и Константинополе.

Однако, данные события еще не позволяют нам с достаточной уверенностью говорить о существовании личного соглашения с Гейзерихом, в соответствии с которым Аспар обещал всячески препятствовать попыткам вмешательства правителей Восточно-римской империи в дела Северной Африки, а Гейзерих, в свою очередь, обещал делать все возможное для поддержания влияния Аспара на дела в Константинополе. Было такое соглашение или нет, не имеет значения, однако события развивались так, будто оно имело место. Можно предположить, что явная дружба между аланским полководцем и королем алан и вандалов имела под собой и этническую основу. По этому поводу профессор Готье замечает, быть может, чересчур категорично: «Чтобы отрицать этнические взаимосимпатии между аланами Константинополя и Карфагена, нужно принимать аргюги, что титул Rex Alanorum был всего лишь протокольным». Такое заключение действительно заманчиво.

Победа вандалов и алан над войсками Льва в 468 г. сильно упрочила позиции Аспара в Константинополе. Так что Лев был вынужден дать согласие на свадьбу сына Аспара и своей дочери, после чего возвел Патриция в ранг кесаря. Став кесарем, сын Аспара получил законное право наследовать императорский трон. Однако данные события вызвали волнения и беспорядки на улицах города, организованные оппозицией, не желавшей допустить к трону арианина.

Таким образом, православное население Константинополя во главе с духовенством и, возможно, подстрекаемое агентами Льва, еще раз поколебало положение Аспара и его семьи.

Вдобавок положение серьезно осложнилось, когда было раскрыто несколько заговоров, организованных Ардабурием, безуспешно пытавшимся подкупить нескольких сторонников Зено Исаврианина.

Стало известно также, что Ардабурий пытался заручиться поддержкой Анагаста, военачальника во Фракии. Об этом донесли императору, которому, однако, наиболее опасными и непростительными казались связи Ардабурия с персами. Попытка Ардабурия заручиться поддержкой персов была разоблачена в сенате, для чего император предъявил сенату письма Ардабурия к персам. В них достаточно четко рисовались контуры заговора. Аспар, который в тот день присутствовал в сенате, вынужден был публично отречься от Ардабурия.

Трудно утверждать, действительно ли Ардабурий был инициатором этих заговоров, или он просто исполнял распоряжения своего отца.

Более вероятно последнее. После этих событий Лев начал действовать решительно. Он во дворце коварно убил Аспара и Ардабурия, за что впоследствии получил прозвище «мясник». Тяжело раненному Патрицию, которого также пытались вероломно убить, удалось бежать.

Германериха, младшего сына Аспара, о котором мало что известно, в то время не было во дворце, и он, по-видимому, остался жив.

В течение почти полувека это аланское семейство занимало видное, а часто и господствующее положение в Константинополе, добившись этого своей отвагой, многочисленными победами над врагами и верным служением империи. Им благоприятствовало также их аланское происхождение, то есть будучи хотя и варварами, они тем не менее не были германцами, что избавило их от гонений против последних в начале V столетия, проводимых в Восточно-римской империи. Когда в конце IV столетия готы поклялись не служить империи и в большинстве своем оставались верны этой клятве, то Руфин пригласил алан и гуннов на службу в Константинополь. И когда часть готов и другие тевтонцы, служившие империи на востоке, стали объектом кровавой антигерманской реакции, то в этом римлянам помогли гунны и аланы. Именно в результате победы над германской партией Гайнаса и ее приверженцами в Константинополе выдвинулись аланские военачальники Ардабурий и его сын Аспар.

Личные способности и политические условия полностью не могут, однако, объяснить причину возвышения алан в Константинополе, если не принять во внимание, что Аспар и его сыновья опирались на значительную поддержку алан, проживавших на Черноморском побережье. Восточную часть Крыма, к примеру, аланы населяли многие годы. Раннесредневековый греческий географ подчеркивает, что аланы переименовали греческий город Феодосию в Ардабда. Аланы жили также вдоль западного берега Черного моря, в Нижней Мизии и Малой Скифии. Поселения алан, вероятно, образовались в конце IV или начале V веков. Аланы, населявшие этот район, были признаны императором Марцианом федератами. Кандак, аланский правитель этой области, был сторонником Аспара, в руках которого Марциан был марионеткой.

После Того, как Аспар и его семейство достаточно упрочили свои позиции в Константинополе, они уже могли открыто заключить союз с германцами, обладавшими значительной военной силой, — посредством установления родственных связей. Браки заключались также с римлянами, У Аспара было три жены и три сына; Ардабур, старший, носил аланское имя, Патрицию, среднему, дали римское, а Германериху, младшему, германское имя. Можно предположить, что из трех жен Аспара первая была аланкой, вторая — римлянкой, а третья — германкой, чем, собственно, и объясняются имена сыновей. Если дело обстояло именно так, то тогда действительно Патриций больше всех подходил для женитьбы на дочери императора, поскольку был, по крайней мере, наполовину римлянином. Его женитьба была очень выгодна Аспару, поскольку могла возвести на трон императора-алана.

Со своей стороны Кандак таким же способом добился выгодного союза с остготами, устраивая браки с имевшими влияние остготами, О процессе взаимного этнического влияния дополнительно свидетельствуют факты перехода собственных имен одного народа к другому. Так, если младший сын Аспара носил германское имя, то остгот Андак уже имел и аланское имя и жену-аланку, сестру Кандака.

Падение Аспара и его семейства в Константинополе знаменовало собой конец одного из примечательнейших эпизодов истории алан.

Однако это не означает, что аланы в дальнейшем не играли никакой роли в процессе образования Византии. Дело как раз обстоит наоборот. Поэтому история алан Южной России и Центральной Азии в период средних веков вполне заслуживает серьезного изучения, что однако, выходит за пределы данной работы.

АЛАНЫ И ВАНДАЛЫ

Часть алан, спасаясь от нашествия гуннов, в 70-х годах IV века направилась на запад, объединившись с вандалами, проживавшими в Паннонии. Спустя несколько лет, вероятно, в начале 90-х годов, районы совместного проживания алан и вандалов уже не могли обеспечивать им достаточных условий существования. Это вынудило большие массы алан и вандалов устремиться на запад в поисках более богатых пастбищ. О возвращении на восток нечего было и думать, так как сзади наступали объединенные орды готов, гуннов и алан, которые тоже продвигались на запад в поисках лучших земель, что заставляло население Паннонии двигаться еще дальше на запад.

Это переселение алан и вандалов на запад не прошло мимо внимания римского полководца Стилихона, который сам был наполовину вандалом и имел в своем войске множество преданных ему алан из Италии.

Поэтому он не замедлил пригласить направлявшихся на запад алан и вандалов поселиться в Норикуме и Раэции в качестве союзников Рима.

К сожалению, Стилихон не мог организовать для них достаточно приемлемых условий существования на новых землях, так что зимой 401 г. они начали опустошать те провинции, которые должны были бы защищать. Стилихон перешел Альпы и положил конец опустошительным набегам. Потерпев поражение, аланы и вандалы, по-видимому, двинулись на север и на восток в германские земли за Рейном и за пределами империи.

Через 5 лет они вновь заявили о себе, когда 31 декабря 406 г. направили своих коней через покрытый льдом Рейн и вновь вторглись на территорию империи. Одна группа вандалов во главе со своим королем Годегизелем вступила в сражение с франкскими союзниками Рима, в котором Годегизель был убит. Его отряд уже находился под угрозой полного уничтожения, когда войско алан, возглавляемое, вероятно, Респендиалом, пришло им на помощь и, напав на франков, спасло оставшихся вандалов. Варвары, успешно вторгшиеся на территорию империи, оказались перед выбором — или стать союзниками Рима, поселившись где-нибудь на римских землях, или продолжать разбой и грабежи империи. Хотя у алан и вандалов оставались довольно неприятные воспоминания об их поселении в Раэции и Норикуме в 400 г., тем не менее римские власти в Галлии начали вести с ними переговоры. Поэтому, когда Респендиал и Годегизель воевали с франками, другой аланский предводитель, Гоар, заключил договор с римлянами.

Так как сторонники Гоара были расселены в стратегически важных пунктах, то аланы и вандалы, встретившись с недоброжелательностью со стороны империи, стали грабить Галлию. В источниках того времени перечисляется около двух десятков городов, которые подверглись опустошению, в том числе Теруан, Аррас, Турнэ, Амьен, Лаон, Реймс, Майенс, Вормс, Спир, Страсбург, Тулуза, Метц, Лангрэ, Безансон, Ото, Клермон-Ферран, Юзэ, Арль, Безьер, Оз, Базас, Ангулем и Менг-на-Лауре. Большая часть этой информации, однако, сомнительна. Но если хотя бы половина этих ссылок точна, то есть смысл допустить, что аланы и вандалы делились на несколько, если не на множество, групп. В источниках обычно упоминают вандалов и изредка вандалов и алан вместе, но аланы отдельно никогда не упоминаются. Поэтому следует предположить, что разделение алан и вандалов произошло во время этих походов не по племенному признаку.

Информации, указывающей на то, что захватчики встречали какое-либо сопротивление от галло-римлян, не сохранилось. Епископ Павлиний Безьер отчитал свою паству за то, что

та не оказала сопротивления противнику. Он возмущается тем, что когда вандалы жгли, а аланы грабили, жители Безьера были заняты пересаживанием виноградных лоз. По мнению епископа, единственное, что их интересует, это театр и астрология, в то время как им крайне не хватает патриотизма и доброй нравственности. Павлиний сравнивает материальные выгоды и сильный религиозный дух в пользу последнего, утверждая, что именно этот дух способен надежно защитить даже от алан.

Следует заметить, что когда аланы и вандалы опустошали Галлию, там в это время дислоцировались войска империи. Когда Константин III захватил власть в Британии и в 407 г. высадился в Галлии, он из Британии привел с собой большую часть воевавших войск. Он также располагал поддержкой франкских федератов, потерпевших однажды поражение от алан Респендиала, а также поддержкой аллеманов, населявших берега Рейна. Вполне возможно, что между Константином, с одной стороны, и вождями алан и вандалов, с другой, была договоренность, согласно которой обе стороны не мешали друг другу.

Один из военачальников Константина, Геронтий, имел даже личную аланскую охрану в Галлии. Уже один этот факт наводит на мысль о возможности контактов между Константином и аланами.

Но сколько алан служило в войсках Константина? Из варваров, присоединившихся к нему, Константин создал особенный полк так называемых «гордых» — гонориан. Полком командовал Геронтий, захвативший Испанию. В награду за верную службу Геронтий отблагодарил варваров необычным способом — разрешил им грабить равнины Палантии. Впоследствии он выделил для алан землю с тем, чтобы они могли контролировать все пути из Пиренеев. Однако, в 409 г. гонориане позволили аланам и вандалам вторгнуться в Испанию.

Можно предположить, что гонориане сами были аланами, и поэтому они позволили своим братьям беспрепятственно войти в Испанию. Среди топонимических свидетельств в пиренейских проходах обнаруживается название Breche d'Allans. Это сохранившееся до наших дней топонимическое название показывает, что, по крайней мере, часть гонориан, поселенных для защиты проходов, была аланской.

Вторгшись в Испанию, аланы и вандалы продолжали грабежи и разбой, которыми они отметили свое пребывание еще в Галлии. Испано-римское население, как и дружественные им жители Галлии, не пытались, кажется, даже сопротивляться. Они просто заперлись в укрепленных городах в надежде, что аланы и вандалы уйдут сами. Однако конные аланы и вандалы не предпринимали попыток осадить крепости. Жители же, которым удалось бы, рискуя жизнью, выбраться из укреплений, нашли там опустошенные поля. В некоторых районах люди были доведены до голода и, по утверждению современников, не было ничего необычного в том, что матери ели своих детей.

После двух лет опустошений и грабежей аланы и вандалы заключили соглашение с испано-римлянами о разделе земель. Аланы поселились в Лузитании и Картагене, вандалы — среди свевов. Их поселения были образованы на основе госпиталитета, то есть аланы и другие захватчики стали гостями римских землевладельцев, получая таким образом значительную часть с доходов от их поместий. В обмен на это гости «защищали» своих хозяев. По-видимому, эти соглашения принесли Испании временный мир.

Аланы и вандалы, поселившиеся в Испании, рассчитывали, что Рим признает их в качестве федератов. Они обратились к императору Гонорию, прося мира и обещая дать заложников, а также предлагая воевать на стороне Рима в качестве союзников. Но Константин, командующий римскими войсками на западе, предпочел при помощи вестготов,

перешедших на его сторону, разбить алан и вандалов в Испании и подчинить их себе. Вестготы напали на алан, проживавших в Лузитании, и зилинских вандалов в Баэтике. Согласно источникам, после длившейся три года войны вестготы сломали противника, почти уничтожив его. Король зилинских вандалов Фред-бал был захвачен в плен, а король алан в Лузитании Аддок был убит. Другой король вандалов в Каллакии, Гунтарих, был, видимо, признан союзником Рима. Вестготы не только не воевали с ним, но и выступили против алан в Картахене, где Гунтарих значительно подорвал силы Респендиала, когда эти варварские группы были подавлены, Гунтарих в Испании взял верх над оставшимися вандалами и аланами. При этом он опирался на поддержку римского военачальника Константина, который отозвал вестготов из Испании и поселил их в южной Галлии.

Этот акт позволил предположить, что между Римом и Гунтарихом существовало некое соглашение.

Дальнейшую судьбу оставшихся алан — сторонников Ад-дока и Респендиала — нельзя отделить от истории вандалов во главе с Гунтарихом и его преемниками. После недолгого пребывания в Испании аланы и вандалы переправились через море и захватили Северную Африку. В течение более чем 100 лет их пребывание там было отмечено весьма важными событиями, свидетельствующими об их роли в Западном Средиземноморье, например, захватом и разграблением Рима аланами и вестготами, затем их поражением от Велизария. Хотя эти события не раз пересказывались в подробностях, однако роль алан в них всегда принижалась. Появилась даже тенденция утверждать, что аланы были полностью ассимилированы вандалами, численно их превосходившими. Современные источники, однако, показывают, что аланы оставались значительной и цельной силой в общей массе варваров, среди которых были не только вандалы, но и другие племена.

Епископ Поссидий Кальмский, находившийся в Гиппо во время осады его аланами и вандалами, которая продолжалась более года, ясно различает алан и вандалов, добавляя, что среди них были также готы. Такая дифференциация алан и вандалов отмечается также поэтом Драконтием, творившим в конце V века в Северной Африке. Это был придворный поэт короля вандалов Гунтамунда, обидчивого и сентиментального человека. Так, в поэме, бранившей варваров, Драконтий включает в их число алан, но опускает вандалов — явный расчет на потрафление глупости монарха, Прокопий утверждает, что и аланы и вандалы состояли в войсках Северо-Африканского королевства. И добавляет, что термин «вандал» часто употребляется для обозначения всех варваров немавританского происхождения в Северной Африке, Император Юстиниан, который в конце концов уничтожил королевство вандалов и алан, свидетельствует о существовании обоих народов.

Но наиболее убедительным свидетельством роли алан в королевстве является факт сохранения королем титула *Rex Vandalorum et Alanorum*, т. е. «Король Вандало-Аланский». После принятия Гунтарихом этого титула приблизительно в 419 г. все его преемники сохраняли его вплоть до падения королевства под ударами Рима, если бы аланы ассимилировались вандалами, то отпала бы всякая необходимость в подобной двойной титулатуре, которая служила постоянным напоминанием потомкам алан об их былой независимости.

Скорее наоборот, потому что двойная титулатура короля имела политическое значение, указывая на сохранение аланами определенной самостоятельности; и это было бы хорошим поводом для его сохранения.

Далее следует отметить, что в войсках королевства, где аланы играли важную роль, конные войска были преобладающим элементом; короли вандалов и алан относились к

пехоте без особенного уважения. Это было, однако, свойственно не только аланам, но и всем степным кочевникам, хотя, с другой стороны, германцы, например, использовали и пешее войско.

Если вандалы, видимо, стали осваивать идею конного боя под влиянием своих аланских союзников, то аланы, в свою очередь, приняли от них арианство, удачно сочетая это со своей религией.

Таким образом, хотя аланы и вандалы стремились сохранить свои этнические традиции, что было замечено их современниками, тем не менее они оказывали влияние друг на друга по крайней мере в двух важнейших для них областях: религии и военном деле.

АЛАНЫ В ГАЛЛИИ

Когда в 406 г, зимой аланы и вандалы перешли Рейн, Рим оценил это прежде всего как угрозу Галлии. И поэтому пытался привлечь хотя бы часть алан и вандалов на свою сторону. От Гоара, предводителя алан, ставшего союзником Рима, возможно и не ожидали враждебных действий, особенно если помнить, что он был вождем тех алан, которые были поселены в Галлии для ее защиты. Граница вдоль Рейна была в большей своей части незащищенной. Франки, жившие вдоль реки, и сарматские военные поселения, которые занимали земли дальше к западу еще в IV веке и держали вторую линию обороны, оказались не способны остановить вторжение 406 г. Целью создания сарматских поселений была охрана важных дорог. Здесь же располагались мастерские для изготовления оружия.

Сарматы были поселены в колониях, начиная от Амьена на севере и в Сермьезе (Чаз), Сермуазе (Эйсн), Реймсе, Сермьере (Марн), Сермеце-ле-Бейне (Марн) и Лангрэ на юге.

С помощью топонимики можно установить приблизительное местонахождение некоторых по крайней мере поселений, в которых были размещены люди Гоара. Аллейно (Сомм) размещается в 30 милях к востоку от Амьена и защищает дороги, ведущие из Колонна в Амьен и Суассон. В 25 милях к юго-юго-востоку располагается Алейнкур (Эйсн), который контролирует дороги из Турнэ в Реймс. Дальше к юго-востоку располагаются Алландви (Арденны) и другой Аллейнкур (Арденны); оба охраняют дорогу из Колонна в Реймс и размещаются в 35 и 25 милях соответственно от Реймса. К югу от Реймса располагаются Алланкур (Марн) и Сампигни (Марн). Алланкур находится всего в нескольких милях от Сермьеза, упомянутого выше.

Еще другой Сампигни был образован в 30 милях к востоку от Сермьезле-Бейна, контролируя дорогу из Тула в Вердан. Слово *Sampigny* происходит от аланского имени Самбида, хотя тесная лингвистическая связь аланского и сарматского языков не позволяет определить с уверенностью, были ли Самбида, в честь которых даны названия этим городам, аланами или сарматами. На возвышении стоит Алламон (Мерти-Мозель), контролирующий дорогу из Мэца через Вердан в Реймс. К югу от Мэца вдоль дороги в Тул лежит Алейнкур-ла-Кот (Мерт-и-Мозель). Точно к югу от Тула на пути к Лангрэ располагаются Аллейн (Мерт-и-Мозель) и Аллианвиль (Верхний Марн); последний контролирует дорогу в Вердан. Восточный доступ к Лангрэ охраняется еще третьим Алейнкур (Верхняя Сона).

Пока Гоар и его сторонники оказывали союзническую поддержку империи, другие аланы вместе с вандалами опустошали части Галлии, впрочем, тем же занимался узурпатор Константин III.

К 411 г. римская власть в Галлии настолько ослабла, что Гоар начал действовать

вполне открыто. Вместе с предводителем бургундцев Гундахаром в том же году он попытался возвести на трон некоего римлянина Иовина. Последний, как оказалось, был даже провозглашен императором в Монцене, городе в 30 милях к востоку от бургундских военных поселений в Варемме и в 75 милях к востокусеверо-востоку от Алейнкура (Эйсн).

Когда армия Иовина двинулась на юг в сторону Арля, к ней присоединился Аталф, ставший королем вестготов после Алариха.

Следует помнить, что со времени Адрианопольской битвы в 378 г. в составе готского войска действовала сильная аланская конница.

Аталф, однако в силу каких-то разногласий с Иовином перешел на сторону Рима, так что обязался помогать империи уничтожить Иовина.

После разгрома последнего Гоар, как, впрочем, и остальные сторонники Иовина, вернулся в свои поселения в северной Галлии, оставив юг Аталфу и его армии. Не следует, однако, полагать, что Гоар считал Иовина узурпатором. Иовин был римлянином, а для некомпетентного аланского военачальника расположение Иовина значило больше, чем официальная власть в Равенне. После поражения Иовина Гоар продолжал оставаться на службе империи; видимо, он и не порывал никогда с Римом.

В течение 25 лет Гоар и его аланы оставались верными сторонниками Рима, хотя их соседи бургундцы восставали несколько раз и были подавлены Аэцием и его гуннскими союзниками.

Приблизительно в 442 г., когда Аэций понял, что больше ждать поддержки от гуннов нет смысла, он обратился к Гоару и убедил его поселить часть своих людей в разных местах в Орлеане, чтобы они контролировали границы Арморики и мешали экспансии вестготов, стремившихся расширить свои владения к северу от Луары, Гоар действительно переселил большое количество своих людей в область на севере от Орлеана и вдобавок перенес свою столицу в Орлеан.

Топонимические свидетельства помогают нам идентифицировать некоторые места, заселенные, вероятно, аланами: Алейн (Евр), Алейнкур (Евр), Лез-Алдейн (Евр), Аллейнвиль-на-Друа (Евр-и-Луара), Аллейнвиль-на-Буа (Сейн-и-Уаз), Ал-лейнвиль-на-Босе (Луарет), Курталейн (Евр-и-Луара) и Ал-лейнс (Евр-и-Луара).

Аэций издал указ землевладельцам упомянутого выше района, предписав им поделиться землей с аланами и принять их как гостей.

Однако большая часть землевладельцев воспротивилась указу Аэция и оказала вооруженное сопротивление аланам. Тогда Гоар подавил выступление феодалов, чем и снискал себе недобрую репутацию среди некоторой части галло-римской аристократии. Автор латинской комедии *Querolus*, написанной вскоре после этих событий, намекает на разрушения, в которых, возможно, аланы были виноваты, а священник из Марселя Сальвиан порицает алан за хищнические наклонности.

Вытеснив значительное число галло-римских феодалов, аланы овладели их землями и осели на них, подчинив себе арендаторов, обрабатывавших эти земли. Относительно большое число аланских географических названий, сохранившихся в этих местах, возможно, объясняется тем, что значительная часть галло-римских феодалов была вытеснена; таким образом, среди влиятельных лиц, чьими именами назывались поселения, алан оказалось больше.

Поселения алан от Орлеана на юге до Алейна (Сейн) на севере частично были образованы, чтобы контролировать границы Арморики.

Этим размещением алан *Tractus Armorican I* делился на две части; аланы занимали

выгодное положение, препятствуя объединению противников Рима на западе и востоке, Аланы могли напасть и на тех и на других, не рискуя встретиться с объединенными силами врага.

Южной границей этой части аланских поселений был хорошо укрепленный и удачно стратегически расположенный Орлеан. К северу от Орлеана располагался Аллейнс, стратегическое значение которого ценилось на протяжении всего средневековья. Его средневековые крепости стоят до сих пор. К сожалению, недостаточность археологического материала не позволяет точно установить какие именно места в Аллейное или в другом месте с аланским названием можно отнести к V столетию.

В 445–446 гг. армориканцы восстали против Рима, и Аэций приказал Гоару наказать их. В награду Аэций обещал Гоару все имущество восставших. Гоар собрал всех алан с поселений в Орлеане. И в окружении своих арлеанских соратников направился на подавление армориканских мятежников. На пути в Арморикку аланское войско встретилось с епископом Германусом, который пытался отговорить аланского предводителя от задуманного им предприятия. После переговоров, проходивших через переводчика, Гоар, по-видимому, согласился отменить поход, но поставил условие, чтобы Аэций, правитель Галлии, отменил свой приказ. После этого Германус отправился в Равенну для переговоров с галльским правителем в надежде испросить прощение для армориканцев. Однако переговоры оказались безрезультатными и тогда около 450 г. Гоар подавил восстание.

Незадолго до 451 г. Гоар, однако, перестал править аланами в Орлеане. Его сменил Сангибан. Источники не упоминают смерти Гоара, хотя он был широко известной личностью в Галлии в течение более чем четырех десятилетий и был уже пожилым. Он был предводителем алан с 406 г. Кампания 446 г. показала, что Гоар был еще способен вести свое войско в бой. Следует помнить, что у алан не пользовались уважением воины, дожившие до старости. Они выбирали своих вождей из числа самых способных и молодых. В 451 г. Гоар, возможно, еще был жив, однако весьма стар и поэтому, вероятно, больше не участвовал в походах, так что его заменили новым вождем.

Поэтому престарелый Гоар не играл больше никакой значительной роли и даже, возможно, был презираем своим собственным народом, его смерть вполне могла пройти незамеченной современниками.

В 451 г. Сангибан получил приказ из Рима защищать Галлию от вторжения гуннов Атиллы. Гунны осадили Орлеан, где находилась резиденция Сангибана, после многих дней ожесточенной битвы город оказался на грани падения. Готский историк Иордан, живший и творивший в середине VI в., утверждает, что верность Сангибана Риму была сомнительной и что он намеревался сдать Орлеан гуннам без боя. Далее Иордан говорит, что только своевременный приход римлян и вестготов во главе с Аэцием спас Орлеан. Другие источники свидетельствуют, что Орлеан был подвергнут кровавой осаде и храбро защищался от стремительных атак гуннов и их союзников. Сидоний Апполинарий, галло-римлянин, живший во время этих событий и не испытывавший особой любви ни к вестготам, ни к аланам, утверждает, что именно благодаря нерешительности вестготов Атилле удалось осадить Орлеан. По-видимому, прототипически настроенный Иордан изображает вестготов героями в ущерб аланам, которых он не любил.

За исключением явно предвзятого отчета Иордана, источники утверждают, что город подвергался кровавой осаде и что не было причин подозревать Сангибана в вероломстве. Не следует, однако, исключать вероятность того, что в условиях долгой осады, когда оборонять город стало тяжело из-за нежелания вестготов воевать с гуннами, аланский военачальник

намеревался или даже обсуждал со своими советниками возможность капитуляции.

Однако римляне и вестготы прибыли в Орлеан вовремя и, отбросив гуннов, при поддержке аланского гарнизона преследовали Аттилу до Шалона. В знаменитой шалонской битве Западная Европа была спасена от гуннской угрозы, и именно аланы сыграли выдающуюся роль в этой битве. Войско Сангибана занимало центр в расположении союзников, причем римляне находились справа, а готы слева. Аттила находился в центре гуннского расположения со своими отборными частями. Римляне на правом фланге отбивали атаки неприятеля, в то время как аланы в центре стойко отражали натиск Аттилы. Во время одной из неудачных атак гуннов готы, согласно Иордану, напали с левого фланга и разбили противника, обратив его в бегство. Стойкие и эффективные действия алан Сангибана перед лицом наиболее грозных сил Аттилы свидетельствуют, однако, что утверждение Иордана о том, что Аэций поместил алан в центре строя для того, чтобы они не могли сбежать во время битвы — это не более чем выражение предвзятого отношения Иордана к аланам.

В последующие годы, согласно Иордану, аланы, гунны и вестготы еще раз встретились в сражении. Он пишет, что Аттила после ряда небольших успехов в Италии начал угрожать императору Марциану за то, что тот отказался платить дань, обещанную его предшественником Феодосием II. Пока римляне готовились отразить нападение гуннов на востоке, Аттила повернул на запад в Галлию в надежде разбить алан, живших в северной Аквитании. Согласно Иордану, в случае успеха Аттилы вся оборонительная система в этой части Галлии подвергалась опасности, так что угроза нависала над вестготами. Не следует недооценивать замечания Иордана о том, что аланы были «ключом» римской обороны Аквитании. Как бы там ни было, он сообщает, что вестготский король Торизмунд узнал о планах Аттилы и повел свои войска на север к аланским поселениям на левом берегу Луары, Иордан утверждает, что в состоявшейся битве, подобной Шалонской, Торизмунд разрушил надежды Аттилы на победу, обратив его в бегство. После этого Иордан превозносит вестготов: «Итак, — пишет он, — пока знаменитый Аттила, бог многих побед, пытался вычеркнуть из памяти славу своих завоевателей (вестготов) и заставлял себя забыть таким образом поражение, нанесенное гуннам (в Шалоне) руками вестготов, ему было снова нанесено поражение и он бесславно отступил». Иордан продолжает эту хвалебную песнь очень любопытным предложением; «Торизмунд, выгнав гуннское войско с помощью алан, оставил Тулузу, не потеряв ни одного из своих людей».

Этот отчет Иордана хотя и имел целью прославление Торизмунда и вестготов, обнаруживает при внимательном прочтении нечто иное, ибо становится совершенно ясно, что аланы были непосредственным объектом атаки гуннов и что аланы разогнали гуннов без помощи вестготов, поскольку никто из воинов Торизмунда не пал в бою.

Иордан, надо полагать, раздул до эпических размеров фактические обстоятельства алаано-гуннской встречи, украсив их похвалой в адрес вестготов и короля Торизмунда. Маловероятно, однако, что именно сам Аттила вторгся на север Аквитании в 452–453 гг., однако возможно, что его войско осталось в Галлии после битвы в Шалоне в 451 г. и было разбито там же аланами в следующем году.

В 452 году или через год Торизмунд двинулся на север и напал на алан. Он нанес им поражение, согласно Григорию Турскому, и выгнал их из северной Аквитании. Отсутствие аланских географических названий в левобережье Луары наводит на мысль, что Торизмунд весьма упорно вытеснял алан. Однако известно, что аланская столица в Орлеане так и не была взята готами, которые, обезопасив Луару — северную границу, занялись Испанией, перестав беспокоить алан вдоль реки.

На небольшой территории, окружающей часть северо-западной Швейцарии близ озера Женева и департамента Эйн во Франции, встречаются географические названия, которые указывают на места бывшего поселения алан. В 25 милях к северо-востоку от Лиона расположены три маленьких города: Алейн, Алейнс, Аланье, Милях в 25 к востоку-северо-востоку в окрестностях Бурга располагается город Алаигна. Через границу, уже в Швейцарии, милях в 30 на восток, в окрестностях Женева, протекает речка, первоначально называвшаяся Аландон, а к северу, в 5 милях севернее Лозанны, располагается город Аллан/Эти географические названия говорят о раннесредневековом заселении этих мест аланами. Здесь встречается много изуродованных черепов. Практика деформации черепа у детей с помощью туго обмотанной вокруг головы ткани или сыромятной кожи составляла обычай кочевников Центральной Азии. Некоторые группы, ставшие частью аланского народа, как известно, практиковали этот обычай.

Захоронения на этой территории, датирующиеся серединой V столетия, разбросаны близ мест с аланскими названиями.

В 443 г. римское правительство вновь расселило часть бургундцев в этом районе. Ранее эти бургундцы жили вдоль центральной части Рейна в тесном соседстве с аланами Гоара. Эти аланы и бургундцы были союзниками Рима в течение более чем 30 лет. Географические названия и археологические свидетельства показывают, что маленькая группа алан примкнула к большой массе бургундцев, которые двигались в 443 г. в сторону Савойи.

При нанесении на карту этих поселений, или, точнее, этих названий и мест захоронений с деформированными черепами, видно, что предполагаемые военные колонии алан защищали северные доступы к Сан-Бернардскому пути. Эта дорога в Италию защищена с юга аланскими поселениями в Ал-лейне в пяти милях к северу от Аосты и в Алагна. Такое стратегическое размещение поселений, по-видимому, соответствовало планам Аэция в начале 40-х гг. V в., когда он повел две группы алан, одну в Орлеан и другую в Валентинуа, чтобы они защищали империю.

ВЫВОДЫ

Переселение алан на запад и их расселение внутри империи показывает одновременно приверженность их обычаям степи и отход от этих обычаев при новом образе жизни. Живя в степях, аланы никогда не объединялись политически в орду, подобно гуннам и аварцам.

Кочевая жизнь требовала, чтобы отряды были ограниченного размера.

Таким образом, условия, необходимые для образования кочевой орды, никогда не были свойственны аланам. Поэтому, придя на запад, они большей частью примкнули к другим народам, таким, как вестготы или вандалы, или небольшими группами несли военную службу в Риме.

Смешанная природа аланских обществ, связанных друг с другом скорее общими обычаями, нежели внешним сходством, возможно, не препятствовала таким союзам с не аланами и, может быть, даже способствовала им.

В начальный период расселения все аланы выражали желание стать частью империи, чтобы, защищая ее, пользоваться ее благами. Одним из них это не удалось осуществить по не зависящим от них обстоятельствам, в то время как другие успешно вошли в империю.

Те, кто поселился в Италии и Галлии, могли служить империи, извлекая из этого для себя выгоду, хотя они не сразу приняли христианство и даже не знали латыни. Другие аланы,

так же, как и те, которые отправились в Испанию и затем в Африку, никогда не имели продолжительного мира с империей, хотя и стали христианами арианского толка. В Константинополе аланы пользовались очень большой властью и, в сущности, некоторое время их вожди были здесь полноправными хозяевами.

В Константинополе аланы или, по крайней мере, некоторые из них, стали арианами, вступив в смешанные браки с представителями римской и германской элиты.

Неудачи алан в Испании, Африке и Константинополе ком пенсировались их успехом в Италии и Галлии, если понимать успех как выживание и интеграцию. Выживание, кажется, составляет главную человеческую ценность, а ассимиляция и интеграция, были, надо полагать, исключительно аланскими ценностями. Неустроенные аланы, видимо, представляли для империи большую угрозу, в то время как обосновавшиеся и пустившие корни на римской территории если и были Опасны, то весьма незначительно, либо вообще ничем не беспокоили Рим. Полное уничтожение неустроенных аланских групп было вызвано их действиями в восточной части империи, наиболее благополучной.

Аланы же Италии и Галлии жили в слабой западной части империи, не способной к подобным акциям и в конечном счете разделенной между завоевавшими ее захватчиками. Эти общие замечания не должны, одна ко, заслонять событий, в которых аланам сопутствовал успех. За два поколения с момента их появления на западе аланы из кочевых воиновскотоводов превратились в оседлых землевладельцев, владевших землями наряду с римскими потенциариями.

Еще будучи степным народом, аланы, способные воевать, составляли, военную элиту. Перейдя к оседлости, они в основном сохранили подобную социальную структуру. Для успешного применения своей прославленной конской тактики аланам было необходимо иметь возможность тренироваться и содержать в хорошем состоянии коней и оружие. Западноевропейский крестьянин V века, скованный постоянными хозяйственными заботами, а также ограниченный условиями крепостного права, не был, естественно, в состоянии осваивать военное искусство и не имел возможности приобрести лошадей и вооружение. Система госпиталитета давала аланам некоторую свободу от экономической деятельности, позволяя пребывать в постоянной боевой готовности. Эта система способствовала и их интеграции в структуру римского общества на наиболее высоком уровне. Таким образом, аланы из бывших кочевников превратились в класс особых воинов-землевладельцев. В рушившемся римском государстве аланы, в особенности те, которые жили в Галлии, обладали преимущественной возможностью стать составной частью новой средневековой аристократии.

Глава III

АССИМИЛЯЦИЯ АЛАН

К концу V в. в Галлии у исследователей стал угасать интерес к истории алан, как племени, не поддающемуся изучению. Это можно объяснить тремя причинами: либо аланы мигрировали из Галлии, либо они были полностью уничтожены, либо, наконец, были ассимилированы местными народами. Поскольку нет доказательств, что они были уничтожены или эмигрировали, то представляется логическим исследовать возможность их ассимиляции. Факт сохранения нескольких дюжин географических названий можно

объяснить либо влиянием алан в этом районе, либо их непосредственным поселением. А это предполагает, что аланы не могли просто собраться и оставить Галлию, в которой уже жили три поколения их предков. Топографические свидетельства, на которые мы обращали внимание в предыдущей главе, контрастируют с географическими названиями вестготских поселений в Аквитании. Хотя готы были гораздо многочисленнее алан и они жили в Аквитании целое столетие, их воздействие на топонимику было значительно меньшим, чем воздействие алан. Кроме того, сохранение и широкое употребление аланских собственных имен также означает продолжительное влияние алан. Например, Алейн и варианты: Аллейн, Алан и Аллан являются производными от латинского *Alanus*, и они до сих пор популярны и в качестве имени, и в качестве фамилии. В Аквитании и в районе севернее Луары довольно часто употреблялось также имя Гоар.

Первый шаг на пути к ассимиляции аланы сделали с началом их движения на запад, когда они осели на римских землях в качестве гостей, которым покровительствовала система римского госпиталитета. Они перестали кочевать и приспособились к оседлому образу жизни, занявшись сельским хозяйством, которое преобладало в поздней Римской империи и в прилегающих к ней государствах на западе.

Второй более важной фазой в процессе ассимиляции было принятие аланами христианской веры, в частности, ортодоксального христианства. Этот процесс шел довольно интенсивно — если в середине пятого столетия галльские аланы все еще были язычниками, то к концу столетия они стали христианами. Ко второй половине шестого столетия аланы классифицировались уже только как христиане. Мартин Брагийский мог с чистой совестью приписать обращение алан в христианскую веру стараниям Св. Мартина Турского, умершего в 397 году. Мартин Брагийский не мог бы, конечно, утверждать это, если бы ему была известна истинная дата обращения алан. Но, с другой стороны, он не мог бы говорить об аланах, как о христианах, если бы они оставались язычниками. Так что, будь известна истинная дата обращения алан в христианскую веру или если бы аланы все еще пребывали в язычестве, Св. Мартину не приписывали их обращение, к которому он, между прочим, не имеет никакого отношения. Фортунат, современник Мартина Брагийского, был очень хорошо информирован о событиях в регионе, который теперь является Западной Францией; он упоминает об аланах вместе с варварами, ставшими христианами. Приписывание обращения алан в христианскую веру Св. Мартину и попытка Фортуната и Мартина Брагийского обвинить алан в арианстве указывает на то, что аланы, обосновавшиеся в Галлии, стали ортодоксальными христианами.

Пример Св. Гоара достаточно хорошо иллюстрирует этот процесс ассимиляции. Гоар родился в Аквитании в первой половине VI столетия в период царствования Хильдеберта, сына Кловиса. Родители Гоара носили римские имена, но они не забыли про свое аланское происхождение и поэтому дали своему сыну имя Гоар, вероятно, в память об известном военачальнике, Молодой Гоар, чьи родители или, что гораздо вероятнее, родители родителей приняли римскую ортодоксию и отвергли арианство вестготов, стал священником и миссионером.

В любом споре об ассимиляции следует принимать во внимание различие во внешних характеристиках, таких, как цвет волос, цвет кожи или рост. Аммиан Марцеллин утверждал, будто аланы были высокими и светловолосыми. Это делает их похожими на многие германские народы, жившие в Галлии. Клавдиан, тем не менее, описывая какого-то аланского вождя, отмечает, что тот был маленького роста. На самом деле этот отдельный представитель алан относится, видимо, к гуннам, описанным современниками. Сохранилось

два изображения алан. Одно, на диске, в честь консула Аспара в 434 г., изображает этого военачальника вместе с отцом Ардабуром и германцем по имени Плинфас. Что касается внешности, то ничего на этом диске не отличает алан ни от германских вождей, ни от римских полководцев. На второй картине изображены аланские и вандальские пленники, схваченные в 416 году. Но и здесь между аланами и вандалами нет различий в отношении генотипа. Такие изображения, однако, следует использовать очень осторожно, поскольку художественные традиции того времени склонялись к изображению людей в довольно стилизованной манере.

Вероятно, самым важным фактором, указывающим на отсутствие какихлибо особенных генотипических характеристик, свойственных аланам, и отличающих алан от других народов, является молчание современников по этому поводу. То, что аланы не были явно отличающимся генотипом, можно установить и из самой сущности их социальной организации: аланы, как народ, состояли из многих групп и их сходство по существу было основано скорее на культуре, чем на так называемых «расовых характеристиках».

АЛАНЫ АРМОРИКИ

Во второй половине V века аланы в Галлии ассимилировались населением тех районов, где они оседали. Аланы в Орлеане постепенно сливались с армориканцами, жителями *Tractus Armoricanus* (Армориканской области), Армориканцы сами были смесью многих народов, включая остатки римских войск, беженцев из Британии, и галло-римлян; эти группы, так же, как и аланы, затем часть франков и, возможно, еще кое-кто, подверглись в разной степени романизации. Эта смесь народов, известная под именем армориканцев, возникла благодаря их лояльности к империи в смутные десятилетия после Шалонской битвы в 451 г. и поддержке Эгидия, римского военачальника в Галлии со штаб-квартирой в Суассоне.

Пока аланы Орлеана армориканизировались, Орлеан, их столица, стал для вестготов объектом притязания. Однако, Эгидий помог отстоять Орлеан, по крайней мере, в одном случае, когда вестготский князь Фредерик был убит. Франки из Турне, порвав с сыном и наследником Эгидия, Сиагрием, также были втянуты в военные действия в Арморике, Хильде-рик напал на Орлеан в 466 г., но год или два спустя он уже заключил союз с саксами, населявшими острова в устье Луары, чтобы напасть на алан.

Эти попытки овладеть Орлеаном, где управляли потомки алана Гоара, не имели успеха.

Кловис, сын и наследник Хильдерика, совершил ряд походов в Арморик и около 502–503 гг. предпринял попытку захватить ее. Хотя армориканцы нанесли поражение Кловису, однако по договору они признали над собой его власть. Более поздний автор Прокопий сообщает, что ортодоксальность армориканцев и последователей Кловиса привела их к естественному союзу против арианства вестготов на юге. К тому же аланы Орлеана, теперь уже части Арморики, всегда были верны империи. Поэтому их союзу и запланированному походу Кловиса против вестготов большую поддержку оказал император Анастасий в Константинополе.

Влияние армориканцев на будущее Кловиса было не меньшим, чем влияние Кловиса на них. В 496 г. Кловис принял христианство и пытался склонить своих приверженцев последовать его примеру. За Кловисом пошло лишь около половины его сторонников. Другие три тысячи человек и столько же франкских воинов под предводительством короля Рагнахара отклонили предложение Кловиса. В результате силы Кловиса оказались настолько

ослаблены, что его походы против бургундцев в 500–501 гг. и против армориканцев в 503–504 гг. провалились. Без нескольких тысяч аланских конников, на которых Кловис мог надеяться после договора с армориканцами, он едва ли представлял угрозу для вестготов. Важность вновь обретенной Кловисом кавалерии иллюстрируется сохранившимся его указом, касающимся похода против вестготов в 507 году, Кловис предписывал конникам брать для лошади только траву и воду при проезде через церковные земли. Это было, по-видимому, вынужденной мерой со стороны Кловиса в ответ на предупреждения епископов, хорошо знавших алан с их репутацией хищников, известной во всей Галлии в середине пятого столетия.

В конце пятого столетия часть орлеанских алан двинулась на запад, в ту область Арморики, где доминировали бретонцы.

Средневековая армориканская хроника сообщает, что аланы подчинялись бретонскому военачальнику Одрену. В районе Ле Манса, между поселениями орлеанцев и территорией Одрена, влияние алан прослеживается лишь в начале шестого века. Именно тогда епископ по имени Алан впервые служил службу в городе Ле Мансе.

Восточное владений Одрена располагался город Алангавия (современный Ланжэ), в восьми милях к западу от Тура вдоль Луары.

Во второй половине шестого века Григории Турский дважды упоминает Алангавию, но ни разу не говорит о том, что город заложен недавно.

Город, таким образом, был основан еще во второй половине пятого века, когда группы алан из Орлеана передвигались в западном направлении. Вполне вероятно, что аланы, поселившиеся в Алангавии, пытались сохранить свои черты в обстановке, в которой они быстро ассимилировались.

Не удивительно, что народ, находящийся уже на определенной ступени ассимиляции, дает новому поселению такое древнее название.

Именно эта критическая обстановка, породившая желание сохранить хоть какой-то контакт с прошлым, прежде чем оно совсем исчезнет, побудило родителей Св. Гоара дать сыну аланское имя вопреки тому, что, по крайней мере, уже целое поколение семьи получало римские имена. Возможно, что после принятия христианства там, вероятно, сменилось даже два поколения.

Что же касается передвижения алан на запад, то топонимика свидетельствует об этом достаточно определенно. К западу от Алангавии вдоль берега между Нантом и Ваном располагается город Алейн (Луар-Инфериор). Приблизительно в 25 милях северо-северозападнее Вана лежит Аллейн (Морбихан), а дальше, в 20 милях к северу располагается средневековый город Алансон (Морбихан), который теперь называется Бодиек, в 35 милях к западу от Алансона находится Гоарек (Кот-дю-Норд). Дальше к северо-востоку в Кальвадосе стоит Аллейн.

К середине VI столетия большей частью западной Арморики, включая территорию от Кархэ до Дола на севере и до Вана на востоке, правил крупный землевладелец по имени Кономор. Жизнеописание бретонских святых, в котором содержится много фактов о карьере Кономора, характеризует его как чужеземца, вероятно, из Корнуэлла.

Современные ученые идентифицируют его с Марком Кономором, правившим также в Корнуэлле. Более поздние современники изображают Кономора как узурпатора и обвиняют его в убийстве некоего Йонаса, правившего в землях вокруг Дола. Говорят, что отобрав владения Йонаса, Кономор отправил в изгнание своего сына во Франкское королевство к королю Гильдеберту I. Король заточил молодого человека в темницу. Изгнанного принца

звали Аланом Джудиалом, то есть первым аланом из нескольких графов и герцогов в Британии в период раннего средневековья, носивших имя Алан.

Земли, которыми правил Кономор, были заселены разношерстным населением, включая кельтов, римлян, германцев и алан. В жизнеописании Св. Павла Леонского обращается внимание на то, что на армориканских землях Кономора говорили на четырех разных языках и подчеркивается, что в середине IV века там обитало еще поколение алан, говорившее на родном языке.

В этот период в Арморике бытовали легенды, объяснявшие происхождение европейских народов, и среди них несколько повествований восхваляет алан. Одно из них сохранилось, включенное Ненниусом в его *Historia Brittonum* (Истории бриттов) и оно рассказывает о происхождении английского народа. Первоисточник, который Ненниус включил в свою работу, датируется первой половиной VI века и, как полагал Фердинанд Лот, был написан священником аланского происхождения, проживавшим в Арморике. Рассказ генеалогического характера имел целью показать еще и отношение всех народов к Богу. Первое место в нем среди народов Европы отводилось аланам. Автор подробно излагает библейское предание о том, что сын Ноя, Яфет, заселил Европу после всемирного потопа и приписывает Яфету наследника по имени Алан, который был первым человеком, поселившимся в Европе. У него было три сына: Хизикон, Арменон и Ногио, от которых, в свою очередь, произошли вандалы, франки, латиняне, аламаны, британцы, бургундцы и готы.

Нельзя установить, действительно ли был убежден этот священник, что именно аланы играли значительную роль в судьбах вандалов, готов, римлян, бургундцев и франков; более вероятным представляется другое: он просто дал себе волю в этноцентрической историографии. Следует, однако, заметить, что распространение в Арморике рассказа о первенстве *Alaní* в Европе указывает на существование здесь сильных проаланских влияний приблизительно в то время, когда смешанный правящий дом, связанный родством с аланами, боролся с узурпатором из Корнуэлла. Более позднее повторение этой истории британским историком начала IX века при живом интересе к ней в Арморике предполагает, что в Британии продолжалось сохраняться аланское влияние.

Однако, теория, которая получила распространение в Арморике в середине IV века, утверждавшая, что народы Европы имеют аланское происхождение, не была признана на востоке. Уже в следующем столетии в хронике Фридегара сообщается о троянском происхождении франков. Это была первая попытка окружить франков ореолом славы классической древности. В работе Фридегара Приам упоминается, как первый король франков, а его народ разделяется на несколько групп, одну из которых составляли *Frigii* (потомки Фриги), которые под предводительством своего вождя Францио опустошили часть Азии и затем двинулись в Европу, где поселились в районе между Рейном, Дунаем и морем. Далее Фридегар повествует о смерти Францио и о разделении франков на группировки, во главе которых стояли герцоги. По описанию, эти группировки успешно воевали против римлян. Далее мы узнаем, что франки и римляне связаны родством, поскольку Фрига и Эней были сыновьями Приама.

Следует, однако, заметить, что Фридегара не устраивало то, что грпmqjне происхождение отсекало франков от библейского предания.

Поэтому он включает в свою летопись версию о *Liber Generation* (Книге кланов) со списком людей, которые, якобы, произошли от Яфета, сына Ноя, поселившегося в Европе.

Фридегар вставил в этот список троянцев и фригийцев и таким образом подтвердил и

тroyанское происхождение франков, и их библейскую состоятельность. Фридегар не воспользовался армориканским преданием, распространившимся в предыдущем веке о первенстве алан при заселении Европы.

Интересно другое армориканское предание. Приведенное тем же Неннием в его *Historia Brittorum*, оно отдает пальму первенства в Европе аланам в ущерб исторически более значительным народам.

Тексты, использованные Неннием, пытаются доказать тroyанское происхождение древних бриттов. Получается, что бритты через своего топонимического предка Брута происходят от Хизикома через Alanus, а дальше они возводятся к Энею и Трое, а в итоге к Яфету. Эта легенда объединяет библейскую, римскую и тroyанскую версии происхождения британцев. Она, кроме того, пытается поставить на исключительно библейскую основу упомянутого уже Alanus как предка всех европейских народов. Совершенно очевидно, что то наследие, на которое претендовали франки и бритты в армориканском предании, было отдано аланам раньше, чем какому-либо другому европейскому народу.

С одной стороны, армориканское предание, выделяющее Alanus, отводит европейским народам, включая франков, второстепенную роль, а с другой — совершенно игнорирует франков. Фридегар же, игнорируя алан, подробно повествует о важном месте франков в генеалогии европейцев. Такой очевидный реверанс в сторону целого региона — аланы пользовались влиянием в Арморике, а франки господствовали дальше к востоку — недостаточен, чтобы подтвердить состоятельность этих двух преданий, если к тому же большая часть фактов и свидетельств уже была исследована. Фридегар сильно поддерживал идею о величии франков. Как автор или, по крайней мере, как популяризатор вымысла о тroyанском происхождении франков, историю которых он украсил славой классической древности, он попытался доказать, что франки нанесли поражение римлянам и восхвалял их военную доблесть. В цветистых выражениях он прославляет их, как лучших воинов, превосходящих прочие народы. Возможно, только в подробном *Lex Salia* (Салическом законе), составленном даже в более этноцентрической франкской среде, чем та, в которой появилась генеалогия Фридегара, франки восхваляются в гораздо большей степени. Поэтому не очень удивительно, что сокрушительное поражение, которое нанесли аланы франкам в 406 г., — событие, зафиксированное Григорием Турским, свидетельство которого Фридегар опускает, — беззастенчиво пропущено последним.

Враждебность франков к аланам, порожденная, очевидно, победой алан в 406 г., вероятно, была в некоторой степени нужна Хильдериху, пытавшемуся завладеть столицей алан с помощью походов Кловиса в Арморику, Заточение в тюрьму графа Алана Джудииала Хильдебертом I и поддержка, оказанная им узурпатору Кономору, могли иметь место при дальнейшем разделении армориканцев (подобно аланам и кельтам) и франков. Войны, которые велись более поздними вождями Арморики против меровингов и каролингов, лишь поддерживали тему арморикано-франкской вражды.

Победы алан отвергались профранкскими хроникерами, подобными фридегару и автору *Liber Historie Francorum* (Истории франков), который зашел так далеко, что превратил уже поражение франков в их победу. В самом начале VIII века автор *Liber* представил свою версию тroyанского происхождения франков. После падения Трои правители повели соратников в Европу. Эней пошел в Италию, в то время как Приам и Антенор, предки франков, отправились в Паннонию.

Там, согласно *Liber*, франки встретились с аланами, характеризуемые ими как «упрямые» и «испорченные». Аланы, продолжает *Liber*, восстали против римского императора

Валентина, нанесшего им поражение и выгнавшего их за Дунай в топи Мизии. После этого Валентин пообещал франкам большие деньги, если те добьют алан.

Франки якобы это и сделали в смелой и кровавой атаке. Так, описав воображаемую победу франков над аланами, франкский хроникер тем самым «отомстил» за поражение, которое аланы нанесли франкам.

Еще одна генеалогия — она, вероятно, датируется концом VI — началом VII вв. — лишний раз свидетельствует, что аланы, точно так же, как и франки, пытались возвеличить себя через литературу.

Занимающая нас генеалогия имеет целью внесение в список римских правителей в Галлии во второй половине V столетия алан.

Последнему правителю, Сиагрию, упомянутому в списке в 486 г., было нанесено поражение Кловисом, после чего вскоре Сиагрий был убит. Сиагрий был преемником своего отца Эгидия, умершего в 464 году. Эгидий, по-видимому, представлен в этом тексте либо как Эгетий, либо как Эгегий. Возможно даже, что автор генеалогии внес в список двух человек вместо одного, то есть Эгидий был представлен двумя людьми — Эгетием и Эгегием. Возможно также, — и это даже более вероятно, — что одно из этих имен подразумевало Аэция, римского военачальника в Галлии, который в 451 г. нанес поражение Аттиле у Шалона, а другое — отца Сиагрия. Пабол, — это, видимо, искаженное Павел, — военачальник, возглавлявший римские войска в Арморике приблизительно с 460 по 470 годы, Включение Алана (Аллана) было, видимо, еще одной попыткой возвеличить Alani, которые преуспевали в Арморике, поддерживали Рим и помогли в 451 г. разбить гуннов, а в 507 г. — вестготов.

Вживание алан в доминирующую в Арморике кельтскую культуру было взаимным процессом. В области военной тактики аланы, которые вместе с другими степными народами оказывали столь решительное влияние на римскую кавалерию, играли огромную роль в развитии армориканской кавалерии. В Римской империи более позднего периода, как, впрочем, и более раннего, кельты, равно как и бритты и бретонцы, в качестве кавалеристов вообще не пользовались никакой репутацией, хотя классические авторы и отмечают их доблесть при езде на колесницах.

Прокопий, творивший в середине VI в., повторил выдумку, в которую он, кажется, верил сам и надеялся, что в нее поверят и его читатели, о том, что в Британии не было лошадей. Таким образом, жители Британии, получалось, не знали самых простых вещей об искусстве верховой езды, например, способов посадки в седле, и еще меньше знали о самой езде.

Однако к XII веку репутация армориканских конников стала совершенно иной, отличной от того, что о них говорили в древности.

Приблизительно в 1120 г. Стефан Ландаффский, автор «Жизни Св.

Тейло» (уэльского святого начала шестого века, тесно связанного с армориканцами), повествует о том, как святой просил Бога, чтобы армориканцы стали самыми лучшими в мире кавалеристами. Далее автор говорит, что Бог внял молитвам и что уже сегодня (то есть где-то около 1120 г.) армориканцы в 7 раз лучше чувствуют себя в седле, чем на ногах. Жоффрей Монмутский, современник Стефана, который тоже испытывал проармориканские настроения, описывает битву, якобы имевшую место в конце V века, в которой несогласованность армориканской кавалерии сэкономила день для Амбросия Аурелиана.

Хотя отчет Стефана о Св. Тейло и *Historia* Жоффрея содержат много точной и полезной информации об армориканской истории начала средневековья, однако неизвестно, опирались

ли эти авторы в своих доводах на древнее предание для того, чтобы восславить бретонскую кавалерию в конце V — начале VI веков или просто передавали чувства современников относительно доблести армориканских конников, одновременно подкрепляя выдуманными историческими свидетельствами свои доводы. В любом случае, однако, оба эти писателя XII столетия указывают на солидную репутацию армориканцев, как мастеров верховой езды, что противоречит древнему представлению об этом. Двойственное объяснение Стефана основы конной доблести армориканцев наводит на мысль о значительном светском влиянии на автора.

Армориканские конники уже считались выдающимися задолго до XII века. Регино Прюмский в X в., Гермольд Нигеллус и Низард в IX в., Григорий Турский в VI в. сообщают сведения о бретонских конниках.

Фактическое отсутствие подобных сведений в VI и VIII веках — это, по-видимому, не более чем результат сравнительного недостатка точных сообщений за этот период и решительного отделения Британии от поздних меровингов и ранних каролингов, на истории которых сосредоточивались источники.

Для того, чтобы найти истоки происхождения армориканского рыцарства, следует, видимо, обратиться к аланам, которые ассимилировались бретонским обществом к началу VI века или раньше.

Между прочим, именно этот период был указан Стефаном Ландаффским и подтвержден Жоффреем Монмутским, как время развития армориканской кавалерии.

Как уже отмечалось, военная тактика алан имела общие черты с тактикой гуннов, которые «вступали в бой, выстроив войско клином, создавая дикий шум своим криком. Поскольку они легко снаряжены и способны к быстрому движению и неожиданному действию, они вдруг предумышленно разделяются на отдельные группы и атакуют беспорядочным, но стремительным натиском, устраивая страшное кровопролитие; и из-за своей необычной быстроты движения... они воюют с помощью метательных снарядов на расстоянии... они галопом преодолевают разделяющие их с врагом пространства и воюют мечом лицом к лицу».

Аланы тоже, бросаясь в атаку, поднимали резкий устрашающий шум и тоже использовали конную фалангу. Подобно гуннам, аланы презирали пеший бой и, как уже было упомянуто, даже считали унижительным для себя передвигаться пешком. Исидор Севильский отмечает, что аланы, по существу, представляли собой бесполезных без своих коней воинов, Аланы со своей военной тактикой были маневренным войском, однако те аланы, которые населяли Арморику, использовали не свойственные гуннам латы как для своей защиты, так и для защиты своих лошадей.

Таким образом, эти аланские конники, описание которых в точности взято из записей Аммиана Марцеллина и нескольких более поздних комментаторов, рассказывающих о военных традициях алан, — напоминают армориканских конников в сообщениях Гермольда Нигеллуса в первой половине IX столетия. Бретонцы у Гермольда воюют на конях. Как сами воины, так и кони защищены доспехами, воины мечут копья в своих врагов. Видимо, о наиболее интересной детали свидетельствует повествование X в., сделанное Регино Прюмским о том, что бретонцы воюют как венгерская кавалерия. Бретонцы не доводят атаку до конца, а поворачивают своих коней в сторону после каждой атаки. И отличаются от венгров только тем, что последние стреляют из лука, в то время как бретонцы мечут копья. Венгры, как будет отмечено дальше, не спешивались, чтобы вести бой.

Наиболее существенно, однако, то, что аланский элемент в бретонском обществе имел

такое продолжительное военное влияние; более чем четыре века спустя после первого поселения алан в Арморике алано-бретонские конники еще сильно походили на своих степных собратьев, чтобы навести на мысль о таком сравнении, по крайней мере, одного из современников.

В поисках истоков армориканского рыцарства стоит выделить 2 пункта. Это, прежде всего, наблюдения Регино, касающиеся сходства военной тактики бретонцев и венгров, означающие, что влияние степных народов на тактику бретонцев было явное. В конце V века аланы Арморики ассимилировались своими соседями, не знавшими верховой езды. Второй пункт предполагает, что если Регино был прав относительно степной тактики бретонцев, тогда эта тактика могла быть перенята только у алан, поскольку в раннесредневековой Арморике других степных народов среди поселенцев не было.

Аланы не любили воевать пешим порядком и, по крайней мере, два других степных народа, гунны и сарматы, разделяли эту нелюбовь.

Они воздерживались от пеших военных действий из-за технических трудностей. Говорят, у гуннов была неподходящая обувь, а сарматы, обремененные тяжелыми доспехами, без коня были не способны к маневру. Можно сказать, что сходство между аланами и гуннами или сарматами состоит только в неподходящей обуви или тяжелых доспехах. Однако любой вывод, касающийся этого вопроса, может иметь только предположительный характер. Ясно, однако, что аланы были против пешего боя либо по техническим причинам, либо из идеологических соображений.

В последней работе Уоррен Холистер пишет, что «в каждой важной битве англо-норманнского времени большая часть феодальной кавалерии спешивалась для боя. В битве у Тинчебрая в отчете очевидца от 1108 г. находим, что 96 % армии короля Генри состояла из пехоты, включая самого короля и всех его баронов. В 1119 г. подавляющая часть войска короля Генри в Бремюле представляла собой спешившихся рыцарей и, согласно одному современнику, битва была выиграна именно благодаря атаке плотно выстроившейся пехоты.

В Бург-Ферулде (1124) большинство англо-норманнских рыцарей снова воевало на ногах, а в Норталлертоне (1138) они спешили все до единого... В Линкольне (1141) король и его рыцари снова спешили и воевали, как пехота».

Приспособились ли бретонцы к тактике своих англо-норманнских соседей или предубеждение алан против пешего боя все еще сохранилось? Вероятно, Регино Прюмский не отметил бы сходства в тактике бретонцев и венгров, если бы первые охотно спешивались и воевали на ногах. В англо-норманнскую эпоху бретонские конники принимали участие в двух битвах, относительно которых мы располагаем достаточной информацией, чтобы сравнить примененную в них тактику с тактикой их современников. В Тинчебрае, где 96 % армии Генри воевало пешим порядком, король приказал бретонской коннице вместе с воинами Майна оставаться в седле. В Линкольне, где король и большинство его конников спешили, бретонцы оставались на конях, Бретонские конники отступили у Линкольна и ясно, что они смогли отвести войско, потому что были конными.

Более того, они, будучи верхом, смогли покинуть поле боя. В самом начале VII века Исидор Севильский обращал внимание на то, что аланы, как пехота, были неэффективны. Пять лет спустя Стефан Ландафский также отмечал, что армориканцы были в 7 раз боеспособнее в седле, нежели на ногах. Эти наблюдения, если они точны, подсказывают, почему бретонцам было приказано оставаться в седле, в то время как их англо-норманнские современники спешивались, предпочитая воевать таким способом. Два примера (Тинчебрай и Линкольн) — это, конечно, мало, но если учесть замечания Исидора, Регино и Стефана, а

также относительно небольшое число доступных источников, то это, по-видимому, означает, что бретонцы, воюя, не спешивались, как их англо-норманнские современники.

Бейо Тапестри показывает, что к концу XI века норманны и бретонцы были одинаково вооружены. Это говорит о том, что существенных технических различий в оружии и доспехах, которыми можно объяснить различия в тактике норманнов и бретонцев, не было.

Если этот довод достаточно обоснован, чтобы проследить восхождение бретонского рыцарства к аланам, тогда бретонские конные традиции намного древнее и норманнских, и английских, которые происходят от викингов и англо-саксов соответственно. Несколько сотен лет обращения с конем, однако, сделали норманнов достаточно умелыми конниками. Но не лучше ли рассматривать бретонцев не как превосходных конников, а как плохих пехотинцев? Поскольку нельзя точно определить технические различия между оружием и доспехами норманнов и бретонцев, то не следует ли предположить и то, что последние питали обычное предубеждение против боя пешим порядком, то есть отношение к пехоте, устоявшееся с V века?

Результатом дополнительного влияния алан на военную тактику в Западной Франции было ложное отступление. Как было упомянуто выше, ложное отступление было хорошо разработанной тактикой степных народов. Арриан, легат Адриана в Каппадокии, отмечал в своем труде *Contra Alanos* (Против алан), что аланы были находчивы и ловки при использовании ложного отступления; далее он дает очень специфические рекомендации по развертыванию войск, чтобы защититься от этой тактики. Аланы, которые находились на службе у Рима в северной Италии в начале V века, использовали тактику ложного наступления в войне с готами, в IX веке армориканские конники часто применяли ложное отступление. Регино Прюмский, сравнивавший тактику бретонцев с тактикой венгров, хорошо знал, что венгры были страшны при использовании ложного отступления и он замечал, что бретонцы также использовали этот тактический прием.

В битве при Гастингсе ложное отступление было эффективно использовано норманнами и их бретонскими союзниками. Вильям из Пуатье пишет: «Норманны и их союзники, убедившись, что не смогут преодолеть врага, такого многочисленного и плотно выстроившегося, без серьезных потерь, отступили, симулируя бегство в качестве тактики... Среди варваров наблюдалась радость... несколько тысяч варваров... бросились в погоню за теми, кто, они думали, обратился в бегство. Внезапно норманны, державшие своих коней в узде, отрезали путь врагу и окружили его, и убили их всех до единого».

Вильям из Малмзбери был более лаконичен: «Англичане... расположились плотно, что могло бы обезопасить их в тот день, если бы норманны не обманули их, применив ложное отступление».

Эти отчеты относятся ко второму отступлению при Гастингсе, Вильям из Пуатье, однако, указывает, что «дважды была применена одна и та же хитрость». Первый раз отступление было проведено бретонцами под началом графа Алана, который после боя был отмечен за выдающуюся роль, сыгранную им в этом столкновении.

В свете громадного аланского влияния в Арморике можно предположить, что ложное отступление стало частью военной тактики западной Франции. Не удивительно, что норманны, очень желавшие перенять новую эффективную военную технику, научились применять и ложное отступление. Действительно, в течение менее десятилетия в середине XI века норманны использовали ложное отступление по крайней мере три раза: при Мессине в 1053 г., при Арке (Нормандия) в 1060 г, и при Гастингсе в 1066 году. Крестоносцы, воюя в конце XI века, тоже использовали ложное отступление, как и их врагитурки из Центральной

Азии.

АЛАНЫ В ЮЖНОЙ ГАЛЛИИ

Аланам на юге Галлии жилось, видимо, хуже, чем аланам в Арморике. Пострадав от своих вестготских союзников в 414 г., эти аланы поселились между Тулузой и Средиземным морем. Однако, спустя несколько лет, вестготы, которых аланы покинули, вернулись из Испании, чтобы господствовать, как союзники империи, в югозападной Галлии. Вестготы были арианами. А небольшое аланское общество, жившее среди них, было, главным образом, языческим до самого конца V века, когда они приняли ортодоксальное христианство.

Политические и религиозные различия, которые разделяли алан и вестготов, населявших юг Галлии, вероятно, объясняют ограниченное влияние алан в Галлии по сравнению с их влиянием в Арморике. Как уже отмечалось, сохранение аланских географических наименований указывает на продолжительное влияние алан на юге так же, как и на севере. Дополнительно можно отметить, что в начале средневековья в рассматриваемом районе еще продолжали давать имена Алан и Гоар. А имена эти явно говорят о том, что их носитель был либо аланского происхождения, либо испытывал на себе сильное влияние какого-нибудь аспекта аланской культуры.

Один такой человек, чье имя в источниках пишется по-разному, включая Гоерик и Гойарик, находился на службе у короля Алариха II, правителя Тулузы. Гоерик носил титул *vir illustris*: (муж славный) и в его обязанности входила подготовка свода законов для римлян вестготского королевства. Представляется в высшей степени разумным то, что Аларих избрал ортодоксального христианина аланского происхождения для ведения дел с римскими законоведами и, возможно, с римским духовенством при разработке кодекса для вестготских римлян. Длительная история сотрудничества с римлянами и при верженности алан к ортодоксальному христианству способствовала укреплению положения аланских чиновников по сравнению с чиновниками галло-римского происхождения. А, вообще-то, использование ортодоксальных христиан, тесно связанных с империей, для решения вопросов, касавшихся «римского» населения, было нормальным делом среди франков, вестготов и остготов.

Вскоре после появления свода законов, что входило в обязанности Гоерика, король меровингов Кловис, сам ортодоксальный христианин, повел армию, включавшую себя большое количество армориканских алан, в Аквитанию. Он отнял галльские земли вестготов и убил Алариха II. После этого Гоерик был взят под стражу в королевском дворце в Барселоне новым королем Гезалихом. Вскоре Гезалих приказал убить Гоерика. Следует отметить, что и другие знатные ортодоксальные христиане Аквитании, поддерживавшие меровингов, пострадал от рук вестготов.

Более поздним современником Гоерика был Св. Гоар, *homo aquitanicus* (человек из Аквитании, аквитанец), который родился на юге Галлии в период царствования сына Кловиса Гильберта (558). Родители Гоара, как отмечалось раньше, носили римские имена. Помня о своем аланском происхождении, они дали сыну аланское имя. Гоару, вероятно, еще и не было двадцати, когда он решил стать отшельником. Он отправился в Трир, построил там небольшой скит близ слияния Лохбаха и Рейна в районе, который теперь называется Обер-Везел.

Может показаться странным, что юноша ушел на несколько сот миль от своего дома, чтобы стать затворником, когда рядом было много уединенных мест, где он мог вести приличный отшельнику образ жизни. Надо помнить, однако, что тогда еще хорошо функционировали политические и религиозные связи между Аквитанией и восточной Галлией. Кроме того, перспектива общения с аланами из аланских поселений на востоке Галлии тоже могла привлечь юношу с таким явно аланским именем.

События, описанные в «Житии Св. Гоара», лишены всякого драматизма, и единственным моментом, который, возможно, отражает его аланское происхождение, хотя и отдаленно, является случай, касающийся предъявленного ему обвинения в обжорстве. Видимо, репутация Гоара, как человека благочестивого и набожного, привлекала много пилигримов в его скит. Но не может ли быть так, что некоторые посетители были потомками аланских поселенцев в восточной Галлии и что их привлекало и аланское имя Гоар? В любом случае, Гоар, по обычаю своего народа, придавал большое значение тому, где будет спать и что будет есть его гость. К великому ужасу духовных лиц этого региона, Гоар прославился тем, что обильно завтракал со своими гостями. Поэтому был обвинен в обжорстве и вызван в епископат держать ответ. Все это произошло потому, что по уставу отшельникам запрещалось есть до полудня, а иногда и до захода солнца.

Гоар оправдал свой завтрак с гостями, во-первых, ссылкой на то, что Царствие Божие обретается не такими материальными вещами, как еда, а праведностью и радостью в Святом Духе, И что еще более важно, возражал Гоар, он был обязан оказывать пилигримам, посещавшим его скит, гостеприимство и что было бы невежливо угощать их и воздерживаться самому. В этом последнем моменте и заключается, основной социальный обычай кочевников. Есть вместе со своими гостями — это гостеприимство; не делать этого означает непочитание гостя, то есть выказывание негостеприимства.

Другой Гоар, по Гоерику, также был религиозным деятелем в Аквитании и в Восточной Галлии. Этот Гоар блистал в первой половине VII века, а его семья была одной из знатнейших в Альбигое. В 627 г. он стал графом Альбой, позднее его племянник Бабо унаследовал этот титул. Племянница Гоерика была аббатисой Троклар, женского монастыря в Альбигое. В 629 или 630 г. Гоерик, который носил имя Аббо, сменил епископа Арнольфа в Мецце. Таким образом, подобно Св. Гоару, его старшему тезке, Гоерик тоже перебрался из Аквитании на восток Галлии, следуя своему религиозному призванию.

То обстоятельство, что почти единственными фактами истории алан являются имена, указывает как на недостаточность свидетельств, так и на необходимость тщательного анализа сильных и слабых сторон этих свидетельств. Во всех случаях, когда источник упоминает об этническом происхождении человека по имени Гоар, этого человека воспринимают как алана. К тому же было установлено, что в начале средневековья ни один человек на западе, носивший аланское имя, не происходил из района, который бы по другим источникам не определялся как район аланского поселения. Таким образом, вполне логично, что некто по имени Гоар в период раннего средневековья был либо аланом, либо испытал на себе сильное влияние аланской культуры.

Исследование имени Гоар и вариантов его написания, которые появляются в V–VII веках, представляет собой дополнительную проблему. Латинское Гоар, иногда Гоарус, встречается в греческих источниках как Γωαρ. Эти варианты имени, однако, кажутся просто классическим толкованием подлинного аланского имени, приблизительно тождественного современному осетинскому *lëukhar*.

В германских же источниках *lëukhar* появляется уже как вариант имени

многовариантного написания.

О такой двойственной природе имени *lëukhar* говорит и жизнеописание аланского правителя Орлеана, широко известного в первой половине V столетия. В разных документах его называют и Гоар, и Еохар, но вполне ясно, что это две версии одного и того же имени. Тексты проясняют, что у интересующего нас властителя было только одно имя, которое в свою очередь имело два перевода.

Поскольку *lëukhar* играл важную роль в раннесредневековой Галлии, где объединенные германцы и римляне создавали новую средневековую культуру, то это ставило его перед необходимостью переделать свое имя на классический манер (Гоар) или на германский (Еохарик).

Аналогия, возможно, прояснит дело. Давайте предположим, что германец по имени Генрих поселился в Квебеке в Канаде, где встретился и с англоязычными, и с франкоязычными канадцами.

Последние называли бы его Анри, в то время как первые, вероятнее всего, звали бы его Генри. Те из потомков Генриха, кто стал частью французских канадцев, в честь своего предка называли бы детей Анри, а потомки, смешавшиеся с англоязычной частью населения Канады — Генри.

Среди разных вариантов написания имени Еохар мы обнаруживаем Еохарих и Еогар.

Возможно, эти варианты прольют дополнительный свет на происхождение крупного землевладельца Еутариха (Еотариха?), который женился на Амаласуэнте, дочери Теодориха, остгота, Еутарих жил среди вестготов, был арианином и, кажется, достаточно влиятельным человеком. Согласно *Gesta Theodorici* (Деяния Теодориха) Еутарих происходил *ex Alanorum stirpe* (из аланского рода). То, что человек аланского *stirps* (рода) мог подняться до положения влиятельного лица в Вестготском королевстве, было продемонстрировано *vir illustris* (знаменитым мужем) Гоериком, который при Аларихе был ответственным за свод законов. Арианство Еутариха было дополнительным достоинством Гоерика при его женитьбе на девушке из остготской королевской семьи и, возможно, даже было преобладающим. Его арианство наводит на мысль о большей степени его ассимиляции вестготами, чем двух Гоаров, ортодоксальных христиан, о которых говорилось выше. Это, в свою очередь, помогает объяснить, почему германский вариант имени *lëukhar* превалирует над классическим, то есть почему он был Еутар, а не Гоар.

Влиятельные люди, носившие имена аланского происхождения, как, впрочем, и любой человек, который отождествляется в средневековом источнике с человеком из алан, играли заслуживающие внимание роли в Аквитании, оставили след и в восточной Галлии, где аланские поселения стояли с начала V века. К сожалению, дополнительных свидетельств, связывающих Св. Гоара, жившего в районе Трира, и епископа Гоерика в Мецце с этими поселениями нет.

Сохранение аланского влияния в Испании не ограничилось, тем не менее, лишь одним крупным землевладельцем по имени Eutharic.

Вестготы, например, заимствовали у алан тактику ложного отступления и успешно использовали ее в VI веке. Продолжительное существование нескольких аланских географических названий в Испании также дает основание полагать, что аланское влияние не исчезло полностью при господстве вестготов. Не позднее 575 г.

Оранс, часть Галлии, где, как известно, аланы процветали при поддержке империи приблизительно до 428–429 гг., управлялась *senior loci* (правителем местности) с очень аланским именем Аспидий. Элемент Ахр происходит от иранского слова, обозначающего

лошадь, как, впрочем, и в имени известного восточно-римского аланского полководца Аспара.

Видно, что потомков этих различных групп не связывала политическая общность; это предполагает, что политической общности не было и у их предков. Пока аланы были кочевниками, их связывала религия, но, переселившись на запад, они утратили и это объединяющее начало. Таким образом, влияние ортодоксального христианства и арианства продолжало разделять алан как культурную общность. Кроме того, по злой воле фортуны аланы, жившие под вестготской властью, были и ортодоксального, и арианского вероисповедания. Часть алан в Испании, возможно, находилась на службе у готов, в то время как другие, подобно Аспидию и его последователям, были уничтожены ими.

КУЛЬТУРНЫЙ ВЗАИМООБМЕН

Хотя мы и не располагаем аргументами в пользу политического взаимодействия и единства между различными поселениями алан на западе, все же мы имеем и свидетельства культурного обмена между ними. Археологические находки дают нам некоторые сведения о том, что культурные взаимосвязи между различными аланскими районами в Галлии имели место. Аквитанский стиль в орнаментах на 134 находках — это, в основном, поясные пряжки конца VI и VII вв. — содержит элементы аланского происхождения. Два основных района этих находок располагаются между Тулузой и южным средиземноморским побережьем Галлии, а также между Орлеаном и Блуа, затем к северу до Саосны (деп. Сарта) в Арморике. Третий, значительно меньший район находок располагается к северу от Женевского озера на нынешней франко-швейцарской границе.

Общепризнано, что аквитанский стиль представляет собой смесь культурных традиций франков, вестготов, бургундцев и коптов. Кроме того, два элемента аквитанского орнаментального стиля заимствованы из центральноазиатских мотивов, как, например, четвероногие животные и крайне схематизированные изображения людей. Нильс Аберг, первым идентифицировавший аквитанский стиль, отмечает, что данные изображения животных не следует путать со львами и крылатыми грифонами, характерными для бургундского искусства, а схематизированные изображения людей с квадратными плечами, опущенными вниз руками и согнутыми ногами — с фигурами *ogans Daniels*, часто сопровождаемыми парой животных. Эти последние мотивы часто присутствуют и у бургундцев. И четвероногие животные, и человеческие изображения в основном выполнены пунктиром на заднем плане.

Центральноазиатское происхождение подобного «звериного» орнамента подтверждается многочисленными аналогиями в Венгрии «гуннского» периода и на юге России. Венгерские экземпляры из Чани, Немеурелог и Дунапентеля включают изображение смотрящих вперед людей из Сегера, Кет-цели и Реголи. Сходные предметы были обнаружены в Змейском могильнике на юге России и в Камунте.

На находках из Камунта и Киева были обнаружены и изображенные пунктиром человечки. Последнее изображение из Киева заслуживает особого внимания, поскольку его исполнение значительно сложнее, чем аквитанские и русские образцы; оно представляет нам центральноазиатского всадника с характерно согнутыми ногами.

Несмотря на то; что другие изображения более стилизованы, тем не менее они тоже используют весьма характерный для кочевников Центральной Азии мотив. Этот мотив легко

объясним, но значение квадратных плеч и опущенных вниз рук, изображенных на аланских находках Южной России и образцах аквитанского стиля, все еще остается загадкой. Однако, как подчеркивал Аберг, они очень отличаются от изображений человеческих фигурок с поднятыми вверх руками, обычных для Галлии.

Хотя аквитанский стиль и выражает различные культурные влияния, следует, тем не менее, подчеркнуть, что во всех указанных районах Римской империи другие варвары, кроме алан, не жили.

Вестготы господствовали на юге Аквитании и правили аланскими поселениями между Тулузой и Средиземным морем, но в Орлеане вестготы не имели поселений. Франки также не имели значительных поселений ни в Орлеане, ни в Южной Аквитании. Бургундцы господствовали в районе вокруг Женевского озера, однако к западу от Роны их влияние было ограничено, а в Орлеане они не имели его вовсе. Короче говоря, единственным источником постоянного влияния центральноазиатского стиля на аквитанский орнаментальный стиль в районах находок являются аланы и их потомки. Тот факт, что мастера, работавшие в районах со значительным аланским влиянием, включали в свои работы центральноазиатские мотивы, является вполне обоснованным. Очевиден также смешанный характер аквитанского стиля, поскольку аланская культура сама по себе была очень восприимчива к чужим влияниям.

Поясные пряжки аквитанского стиля имеют форму щитка с язычком и поэтому состоят из трех основных частей — из петли, щитка и броши, — каждая из которых отделана особым образом. На одной такой петле, при отсутствии щитка и броши, обнаружена интересная надпись.

Поскольку петля имеет овальную форму, буквы нанесены дугообразно.

К тому же поверхность петли изогнута довольно сильно, что еще более затрудняет работу над надписью, вследствие чего она выполнена не очень красиво. Я имел возможность изучить петлю и надпись на ней в музее в Вандоме летом 1968 г. и предлагаю следующее прочтение: LAVAZ. TURCUS FLAVIGERASPUS Нижняя часть надписи легче поддается расшифровке. По моему мнению, слово Flavigeraspus надо разделить на две части: Flavigeraspus, а еще точнее Flavis geraspus. Римское имя Флавий было распространенным в VI и VII веках у варваров, например, Флавий Рецезинтус и Флавий Хиндазинтус. Рецезинт и Хиндазинт являются вестготскими именами. Герасп же имеет другое происхождение.

Элемент — asp — дает ключ к разгадке, поскольку он имеет иранское происхождение в именах Аспар и Аспидий. Внимательное прочтение сборника иранских имен, составленного Юсти, свидетельствует, что в античный и средневековый периоды имя getsasp было широко распространено среди ираноязычных народов, а также народов, подвергшихся их влиянию. Отсутствие буквы «s» в Герасп в данной примитивной надписи не должно вводить в заблуждение относительно идентичности двух имен Герасп и Герасп, хотя надпись и была высечена в тысячах миль от места происхождения имени и после почти двух с половиной веков взаимобмена.

Более того, следует подчеркнуть, что хотя имя Герасп было очень распространенным, оно представляло собой уже искаженную форму имени Кересасп, что указывает на то, что даже в степи, на местах своего появления, имена не всегда сохранялись в исконном варианте.

Я не смог расшифровать верхнюю часть надписи — lavaz turcus — все попытки оканчивались только предположениями.

Культурное взаимовлияние между основными аланскими поселениями в Галлии, подтверждаемое широким распространением аквитанского стиля, еще больше подкрепляется

историей о Святом Алане. Город Лаво (Тарн) находится в центре южной части района распространения находок аквитанского стиля. Предание, бытующее в районе города Лаво, свидетельствует, что сюда для проповедей прибыл Св. Алан и даже построил здесь монастырь. В средневековых источниках сохранились упоминания о шести церквях в данном районе, включая Лавоский собор, которые все были посвящены Святому Алану, Город Алган находится всего в 10 милях к югу от Лаво, а город Ало (средневековый Алан), стоявший в нескольких милях от Лаво, как сообщается, являлся местом расположения церковно-монастырского комплекса, построенного Св. Аланом. Хартия X века сообщает, что монастырь Алани в Ало был разрушен и покинут монахами.

Утверждается, кроме того, что разрушенные строения и все монастырское имущество были перевезены неким Деда в монастырь Конкэ в Альбигое.

Время жизни и деятельности Святого Алана известно в основном из его жития, которое в действительности, видимо, бытует измененным вариантом жития Св. Аманды, покровителя Бельгии. Возможно, какой-нибудь монах, живший в Аквитании, использовал ту часть жизнеописания Св. Аманды, в которой повествуется о его деятельности в Южной Аквитании, внося в нее некоторые изменения. В частности, автор жизнеописания Св. Алана использовал факт основания Св. Амандом Нантского монастыря в Руэрге приблизительно в 660 году. Он вставляет Лаво вместо Нанта, а вместо заложившего монастырь в Нанте короля Хильдериха короля Сигиберта, как основателя монастыря в Лаво.

Хотя использование жизнеописания другого святого автоматически не отрицает фактов, представленных в новой версии, все же это обстоятельство ставит их под сомнение. Но для нас больший интерес представляет включение Св. Алана в аланскую проблематику, поскольку указывает на связь Южной Галлии с Арморикой. Аманд родился в Гербоже близ Нанта. Покинув свой дом против желания отца, очень состоятельного человека, Аманд несколько раз в разное время посещал Ои близ Ля-Рошели, Тур и Бурже. Затем он отправился в Рим, проповедовал в бельгийской Галлии и среди славян. После очередного возвращения в Галлию был сослан королем Дагобертом в Аквитанию; там, во владениях короля Шариберта II он опять проповедовал. Позднее Аманд вернулся в Париж и затем в Орлеан. Он стал епископом Маастрихтским и одновременно проповедовал в Гасконии.

Обширное поле деятельности Аманды и его репутация сделали его очень известным еще при жизни. Об этом свидетельствуют как множество монастырей, названных в его честь, так и многочисленные копии манускриптов с различными вариантами его «Жития», составленные в ранний период средневековья. Таким образом, вполне естественно, что монах из церкви Alanі близ Лаво внес некоторые удобные ему изменения в легкодоступный материал, чтобы тем самым поддержать репутацию своей церкви. Факты, возможно, действительно правдивы; вызывает сомнение лишь средство их выражения.

До сих пор мы изучали имеющиеся материалы с целью установления фактов действительного существования Св. Алана. Следует отметить, что нередко случалось так, что создавались образы святых, которым впоследствии приписывали поступки реально существовавшего человека. Так могло обстоять дело и в Лаво, и разные дни почитания Св. Аманды и Св. Алана, 6 февраля и 26 ноября соответственно, еще не доказывают существования последнего. Это говорит лишь о том, что человек, которого люди почитали, как святого, умер 26 ноября.

Загадка Св. Алана, покровителя Лаво, еще более усложняется преданиями о Св. Алане, покровителе Корлэ. Последний Alanus, о котором упоминается, как о странствующем епископе, проповедовал, как и Алан Лавоский, в Арморики, а его останки находились в

Квимперской церкви на протяжении всего средневековья. Его почитают 27 ноября. Несмотря на то, что Алан Корлэский, как Сообщается, посетил острова Британии, а кельтское предание приписывает ему несколько предприимчивых сыновей, особый интерес вызывает все же тот факт, что его деятельность тоже ассоциируется с деятельностью Св. Аманды.

Две совершенно различные легенды о Св. Алане, жившем в VII веке, распространились на юге Франции и в Арморике. Согласно одной из них, праздник Св. Алана приходится на 26 ноября, по другой же — на 27, и это говорит больше о сходстве между легендами, нежели о воздействии на них деятельности Св. Аманды, почитаемого 6 февраля.

Возникает много вопросов, на которые невозможно ответить. Был ли этот странствующий епископ тем Аланом, который посетил Лаво и Корлэ? Один ли такой епископ существовал, или их было двое? Или, возможно, и у Св. Аманды, чья деятельность подтверждается документами, было еще одно имя — Алан? Не был ли он в районах влияния алан известен под этим именем? И, наконец, не являются ли оба Св. Алана просто созданием монахов раннего средневековья? Что касается последнего, то следует помнить, что в VII веке, как раз в тот период, когда аланы подверглись ассимиляции численно превосходящим неаланским населением, именно некий монах аланского происхождения составлял родословные древа. Каким бы правдивым ни было объяснение, касающееся Св. Алана Лавоского и Св. Алана Корлэского, одного или двух, реальных или воображаемых, само существование и сохранение преданий о них с VII века убедительно говорит прежде всего о степени аланского влияния в двух больших районах с аланским населением. Во всяком случае, обе легенды свидетельствуют о культурном взаимодействии между аланскими поселениями в Арморике и на юге Галлии.

В Арморике, где население еще в VII веке говорило на аланском языке, влияние алан сохранялось в течение всего раннего средневековья. Это воздействие доказывается освоением здесь кавалерийской тактики алан, созданием культа Св. Алана, а также через названные в его честь города. Об этом же воздействии говорит, конечно, и появление генеалогии европейских народов, в которой аланам отводится роль доминирующего народа, и сохранение географических названий, и живучесть некоторых имен. Однако, несмотря на все это, след алан в истории Арморики сравнительно невелик, ибо в западной части Арморики преобладало кельтское влияние, а в восточной — римское. И это подтверждает, что Арморика была областью смешанных культур, где процветали не только римские и кельтские племена, но и аланы и германцы. В данном контексте следует помнить о смешанной природе аквитанского стиля, который содержал как различные германские элементы, так и аланские и кельтские.

Смешанное влияние, естественное в области художественной, труднее понять в именах собственных, например, таком, как Алан Джудиял, составленном из кельтского и аланского имен, которое, к тому же, могло быть исключением. Само имя Alanus подвергалось сомнению исследователями, изучавшими историю Арморики в свете кельтской культуры. Так историк XVIII столетия Дом Лобино утверждал, что имя Алейн, популярное среди бретонцев, может происходить от древнего бретонского слова со значением «иностранец»-Allan. Сейчас ученые-историки, изучающие раннее средневековье, единодушны в том, что Алейн и различные варианты этого имени происходят от центральноазиатского Алани.

Однако как искать корень имени, когда два народа, проживающие на одной общей территории, имеют слова, которые могли бы в равной степени быть приняты за основу определенного имени? Имена, например, с элементом *cad* очень распространены в кельтских районах, что естественно, поскольку это корень кельтского слова «воин». Кроме того, в

группе индо-иранских языков, к которым относится и аланский язык, корень *cad* означает принадлежность к знати или, возможно, к «благородным». Поскольку кельтское население в Арморике намного преобладало над аланским, может пока заться, по крайней мере — с точки зрения статистики, что большая часть имен, содержащих *cad*, обязана своим происхождением кельтскому влиянию, ибо в V, VI, VII веках, когда кельтское влияние еще не превалировало, как это случилось позднее в средние века, то есть когда аланское влияние было гораздо сильнее, кельты, возможно, превосходили алан по знатности. Статистика не убеждает, что какое-либо определенное имя среди сотен, содержащих *cad*, имеет кельтское, а не аланское происхождение.

Например, в обширном районе Центральной Арморики, перешедшем к середине VI века под контроль Кономора, жил мелкий вождь по имени Кадуон. Помимо его имени, мы мало что знаем о нем (имя его, между прочим, содержит не только элемент *cad*, означающий в аланском языке «знатный», «благородный», но и очень схоже с именем скифского вождя *Kadovia*). Это не говорит ни о том, что Кадуон был аланом, ни о том, что его имя имеет аланское происхождение. Смысл заключается лишь в том, чтобы подвергнуть сомнению общепринятую практику безоговорочно классифицировать все раннесредневековые имена Арморики, содержащие элемент *cad*, как кельтские. И кроме того, если остается место для сомнения, не стоит ли тогда внимательнее исследовать некоторые более спорные определения, встречающиеся в литературе и фольклоре относительно центральноазиатского происхождения алан или их влияния в процессе культурного обмена?

В этом плане следует очень кратко остановиться на материале Артурова цикла, который играет такую важную роль в европейских легендах и в средневековой армориканской литературе. В настоящее время считается общепризнанным факт, согласно которому в 500 г. в Британии жил талантливый военачальник, приостановивший на некоторое время саксонское завоевание. В период раннего средневековья этот человек — предание именуется его Артуром — был известен в Уэльсе, Корнуэлле и Арморике. Обрывки сохранившейся информации наводят на мысль, что вокруг исторической личности Артура возникли неправдоподобные истории. Но, тем не менее, из-за ограниченности свидетельств трудно доказать существование «широко распространенной саги об Артуре» до того, как Жоффрей Монмутский издал свою *Historia Regum Britannie* (История британских королей) приблизительно в 1136 году. Жоффрей включил в эту работу кое-какую информацию об Артуре, распространенную в раннем средневековье. Он также, возможно, воспользовался и материалами, взятыми из более ранних источников, из которых ни один до времени жизни Жоффрея не сохранился. Кроме того, писатели более раннего периода могли отбирать для себя фрагменты Артурианы, проигнорированные Жоффреем и упоминаемые только в позднем рыцарском романе.

Выше было показано, что аланское влияние было значительным в раннем средневековье и, в особенности, в тот период, когда Артур был очень популярен. Но следует рассмотреть, не оказывали ли аланы и их потомки влияние на Артуриану. Возможно, самую большую известность Артур получил из-за своего обладающего чудесной силой меча Экскалибура. В средневековой литературе, однако, тема меча героя очень распространена («Беовульф» Неглунда, «Роланд» Дюрендаля и т. д.), Меч Артура, вероятно, может вести свое происхождение из уэльсской поэмы XI века *The Spoils of Annwfu*, в которой говорится, что меч принесен из «потустороннего» мира и от дан Артуру. В уэльсской книге, вышедшей позднее, *Culhwch and Olwen*, Артур появляется с мечом *Caledvwh*.

Некоторые ученые считают, что *Caledvwh* и *Culhwch* и *Caliburn* в *Historia* Жоффрея

имеют какое-то отношение к *Caladbolg*, мечу ирландского героя.

Все же, исследуя историю меча героя, неразумно пропускать *Gesta Caroli* (Деяния Карла), произведение Ноткера, написанное в конце IX века и входившее на раннем этапе развития в Шарлеманскую легенду.

В *Gesta* Карл изображается героем: «... увенчанным железным шлемом, носящем железные рукавицы... защищенным железной кирасой; левой рукой он высоко поднял железное копьё, в то время как правую руку всегда держит на своем непобедимом мече». Хотя описание доспехов напоминает читателю снаряжение Артура, описанное и в *Culhwch* и в *Historia* Жоффрея, особого внимания в этом тексте заслуживает меч.

Ноткер пишет по этому поводу: «*Nam dextra in invictum calibem semper erat extenta*» («Поистине Правая рука всегда протянута к непобедимому мечу»). Из текста ясно, что *calibs* — это меч и примечательно его сходство с Калибур-ном Артура.

Меч Артура объединяет различные сюжеты многих произведений. Меч в камне, к примеру, это намек на политическое устройство с религиозной окраской. То есть, камень, или, точнее, скала — это церковь, держащая меч, символ вековой власти, и только законному королю будет дозволено владеть им. В порядке противопоставления меч в *Annwfu* принесен из потустороннего мира, что предполагает религиозную коннотацию с нехристианскими намеками. Основной чертой, с которой ассоциируется меч Артура, является военное и, таким образом, политическое превосходство, которым наделяется его обладатель.

Меч, как символ власти и военной доблести, в рамках религиозного контекста встречается во многих уголках мира, включая степи Центральной Азии. Приск, подробнее всех засвидетельствовавший карьеру Атиллы, указывает, что гуннский вождь верил, будто однажды он станет правителем Рима, потому что бог показал ему меч Марса, считавшийся священным у хозяев степи. Меч считался священным, потому что посвящался богу войны. Согласно повествованию Приска, меч, утерянный на многие годы, был вновь найден, когда вол, пасшийся на поле, порезал об него ногу. Увидев кровь, пастух обнаружил меч и принес его Атилле, который, говорят, верил, что обладание мечом бога войны наделяло его военным превосходством.

Стоит иметь в виду и тот факт, что отношение Атиллы к мечу, как к символу власти, берет свое начало от верований, перенятых гуннами у покоренных алан. Известно, что аланы поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю. Этот бог войны представлялся аланам также богом «потустороннего мира», стоящим над духами предков, счастливо погибших, то есть павших в бою, служа богу войны. Подобные взгляды, присущие кочевникам, — на политическое, военное и религиозное значение меча, — могли быть привнесены в Арморику аланами, поскольку только они одни из степных народов на селяли этот район.

Связь степной тематики с легендами об Артуре — это нечто большее, чем просто географическое соседство, что подтверждается рассказом Конона Мериадока, который играет важную роль в некоторых материалах по Артуриане. Согласно предисловию к *Life of Sainf Geoznovoc*, документу начала XI в., включающему информацию об Артуре, некто Конон Мериадок, упоминавшийся также в *Historia* Жоффрея, прибыл в Арморику и убил воинов-язычников, выступивших против него; их женщин он все же оставил живыми, чтобы использовать их в качестве прислуги. Однако, говорят, он приказал вырезать им языки, чтобы они не портили кельтский язык своим иностранным произношением. Тема вырезания языков у пленных женщин в арморико-уэльских материалах, изложенная в предисловии к *Life of Sainf Geoznovoc*, уникальна, и насколько мне удалось установить, она не встречается ни в одном другом произведении раннесредневековой литературы в Западной Европе.

Должно быть, эта уникальная пема возникла на основании какого-то исторического факта. Возможно, что в конце V века часть алан, поселившихся в Арморике и все еще говоривших на родном языке, как предполагает *Life of Sainf Paul* еще не приняли христианство и поклонялись попрежнему мечу, как богу войны, главенствовавшему над «потусторонним миром», где счастливые воины нашли свое последнее пристанище. С другой стороны, возможно также, что Конон напал на алан-христиан, но повествование со временем изменили, чтобы оправдать его варварские поступки против христиан. В любом случае, вполне может быть, что кельтский вельможа — в легенде он зовется Конон Мериадок — вторгся со своим войском на территорию алан, убил воинов, выступивших против него, захватил в плен женщин и вырезал им языки, чтобы непонятная речь степных варваров не оскверняла чистоту языка завоевателей. Такой рассказ может также быть символическим изложением попыток кельтов разрушить культуру алан. В примерах, как реальных, так и вымышленных, подтверждающих грубое обращение одной этнической группы с другой, нет недостатка.

В раннем материале по Артуриане есть две легенды о самом Артуре.

В одной Артур — великий христианский герой, о котором более подробно упоминает Жоффрей в *Historia*. В другой, однако, Артур изображается в какой-то степени антигероем; это мятежный король и тиран, который, хотя и несомненно христианин, находится в конфликте с церковью и священниками. В этой второй легенде Артуру наносится поражение в бою, он не в силах противостоять дракону, и его умиряют святые, по крайней мере, дважды.

В *Life of Sainf Carannog* Артур использует в качестве стола алтарь, но что ни кладется на этот стол, все сбрасывается с него сверхъестественными силами. (Не могло ли кощунственное поведение Артура в этом рассказе дожоффреевского периода стать прообразом Круглого Стола?) В *Life of Sainf Padarn* Артур нападает на священнослужителя, чтобы отнять его мантию. Однако чудесные силы святого отца таковы, что алчный и непочтительный Артур внезапно проваливается сквозь землю и не может освободиться до тех пор, пока не вымаливает прощения у священнослужителя. Артур, тиран в *Life of Sainf Padarn*, таким же образом изображается в *Life of Sainf Cados*. В этом рассказе Артур порицается за распутство, когда домогается чужой жены, за алчность, когда требует в качестве виры (компенсация за смертоубийство — М.Ч.) за своих убитых воинов скот, и за свою непочтительность, когда угрожает осквернить храм.

Из *Life of Sainf Gildas* Кападоса мы узнаем, что Артура называли *rex rebellus* (мятежный король), что он убил брата Гилдаса и что, в конечном итоге, он был посрамлен святым: «... Король Артур, горько жалуясь и плача, принес покаяние, наложенное епископами, которые были там, и до конца своей жизни насколько мог исправлял свой образ жизни».

Приводились доводы, что такой образ Артура — не более чем тема «непокорного короля», использованная авторами жизнеописаний святых, чтобы повысить престиж своих произведений за счет недуховных лиц. Более того, этот «отрицательный образ» Артура вполне может отражать реальную жизнь магната периода раннего средневековья лучше, чем более поздний героический образ. Марк Кономор, к примеру, вполне соответствует этому прототипу, и у нас есть достаточно сведений о нем из *Life of Sainf Samson*, в которой святой берет над ним верх.

Редко представляется возможность узнать, как определенная легенда развивалась. И мы были бы очень рады установить, кто был моделью для «мятежного короля» в рассказах об

Артуре, если это не сам Артур, который мог и не существовать, как историческое лицо, вовсе, но был внесен в легенду, как определенный характер. Кем бы ни был и каким бы ни был Артур, желательным было бы привлечь внимание к его предполагаемому существованию. Если он жил, то это было во второй половине V века.

Во второй половине V века, когда якобы Артур процветал, одним из самых популярных святых в Арморике и западной Британии был Св.

Герман Аугзеррский, Этот святой, живший в первой половине V века, несколько раз совершал поездки в Британию, где он завоевал огромную славу за свое благочестие и военные способности. Что касается последнего, то и Вид и Ненний называли его *dux belli* (военачальник). Этот факт, конечно, обращает на себя внимание, поскольку очень напоминает определение, данное Неннием Артуру — *dux bellorum*. Оба они — Вид и Ненний — в качестве основного источника информации о Св. Германе использовали его «Житие», написанное во второй половине V века Констанцием, современником реального Артура, если он действительно существовал.

В своей жизни Св. Герман возвышался над многими магнатами, и тема «мятежного короля» имеет место и в его «Житии». Среди магнатов, усмирённых Германом, был вождь алан в Арморике Эотар (Гоар), Относительно конфронтации между Германом и Эотаром Констанций писал: «Аэций... позволил Эотару, жестокому королю алан, покорить Арморику; и Эотар, с алчностью варвара, жаждал овладеть этой землей. Тогда против короля-идолопоклонника выступил старец (Св.

Герман) и под покровительством Христа доказал, что он сильнее и могущественнее всех своих врагов. Он быстро собрался, поскольку все приготовления к походу были уже сделаны. Аланы уже начали наступление, и все дороги были запружены их вооруженными всадниками. Тем не менее наш священник направился по той дороге, на которой он надеялся встретить короля, прибывшего туда после него.

В момент встречи войско было уже в пути и, таким образом, святой предстал перед вооруженным вождем в окружении его воинов. Сначала святой обратился с просьбой через переводчика, Но Эотар проигнорировал его просьбы, и тогда Герман стал его ругать. В конце концов Герман протянул руку и, схватив лошадь Эотара под уздцы, остановил его, а вместе с ним и всю армию. После этого Божьей милостью гнев короля сменился восхищением. Эотар был потрясен такой твердостью и, возблагодарив перед таким величием, изменил свое решение. Война и волнения, связанные с ней, уступили место любезности мирных переговоров. Отбросив в сторону свое высокомерие, король начал беседу, окончившуюся в пользу святого».

Каждый год 31 июля, в день Св. Германа, эта живописная картина, созданная Констанцием Лионским где-то в 480 году, проповедовалась со всех кафедр в церквях Арморики и Британии в течение всего раннего средневековья. Сколько времени должно было пройти, чтобы деяния алчного и жестокого короля Эотара, который был точной моделью «мятежного короля», отождествились поступками Артура в народной памяти? Смещение деяний Эотара и Артура было вполне естественным среди неграмотного люда Британии и Арморики. Таким образом, отождествление в народе аланского вождя с героем-праведником могло бы помочь нам понять появление в легенде образа антигероя.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ АЛАН НА ЗАПАДЕ

Во время кочевой жизни в степях Центральной Азии и Южной России аланы избирали своими вождями наиболее опытных в бою воинов. Но после их расселения на территории Римской империи в качестве союзников Рима аланы несколько изменили свой образ жизни. К примеру, аланы Галлии не стали *laeti* (летами¹), которые жили полуавтономными общинами и сами обеспечивали себя едой и всем необходимым. Если бы аланы стали *laeti*, им пришлось бы заниматься земледелием и вести домашнее хозяйство. То есть они утратили бы свое военнополитическое значение для Рима, Так случилось с сарматами, поселившимися на землях империи в качестве *laeti*. Они потеряли свою боеспособность так же, как и аланы, поселившиеся в Италии в качестве *laeti*.

Однако римские власти, заинтересованные в сохранении военного могущества алан, расселяли их на основе системы госпиталитета.

Согласно этой системе, между римскими землевладельцами и пришельцами заключалось соглашение о разделе земли, о проживании на ней экономически зависимых колонов и рабов, а также о доходах.

Таким образом, аланы получали возможность интегрироваться в структуру римского общества на самых высших уровнях. Как отмечалось ранее, римские землевладельцы отказались делить землю в соответствии с заключенными соглашениями. В результате враждебные галло-римляне были изгнаны своими предполагаемыми партнерами.

Поэтому в регионах, где аланские поселения, по-видимому, были наиболее влиятельными, пришельцы ни с кем не делились доходами.

Они завладели всем и стали земельной аристократией.

Во второй половине V века аланские воины, получавшие выгоду от поселения в империи, занимали положение, подходящее для интеграции в класс *potentiones* (власть имущих), людей, пользовавшихся властью и заправлявших местными делами. И, кроме того, часто демонстрировавшаяся аланами склонность к ассимиляции даже способствовала их интеграции. В начале VI века в городе Ле-Манш был епископ по имени *Allanus*, а уже поколение спустя в семье, имевшей связи с кельтской знатью, появился первый граф из большого числа бретонских графов по имени *Alan*.

Предыдущие обсуждения, касающиеся Аспидия, *senior loci* (правителя области) в Орансе, Еутариха, зятя Теодориха Остготского и нескольких Гоаров, служителей церкви, которые занимали высокое положение и при вестготском короле, и в период правления династии Меровингов, показывает, что мужчины аланского происхождения и те, чьи имена говорили об аланском влиянии, достигли в раннем средневековье выдающегося положения в Западной Европе.

Несмотря на то, что из-за недостаточности документов нельзя установить степень аланского влияния на уровне высшего общества, нам, тем не менее, известен очень богатый землевладелец по имени *Alanus* из района Ле-Манш. Он стал широко известен в начале IV века, когда отдал все свое состояние Ле-Маншской церкви после гибели сына, убитого при налете. В южной части восточного района аланского поселения близ города Шо (Нонн) можно встретить упоминание о некоем Аспере, выдающемся землевладельце. В Курси, в

¹ Иноземцами, получившими от государства земельный надел и этим поставившими себя в крепостную зависимость.

Нормандии, семья, процветавшая в период раннего средневековья и ведущая свое происхождение с довикинговского периода, имела прозвище Alaniers.

Высшие круги средневекового общества рассматривали конную охоту с преследованием зверя как главный вид спорта. Охота такого рода была частью жизни алан во времена их кочевья, и, возможно, став землевладельцами в период раннего средневековья в Европе, они продолжали охотиться на оленей и волков скорее ради удовольствия, чем для добычи пищи, как это было раньше. Для преследования зверя держали больших, крепких и быстрых псов. Самой прославленной из этих средневековых охотничьих собак был ныне исчезнувший Алан (средневеков, лат. Alanus), который, согласно современным авторитетным источникам по истории и происхождению собачьих пород, «происходил родом с Кавказа, откуда сопровождал свирепых, светловолосых и воинственных алан».

Подобно аланской лошади в годы античности, в средние века огромной популярностью пользовалась аланская собака. Позднее ей был присужден статус геральдического знака, поэтому на гербе города Алано в Испании по сей день изображены две аланские собаки.

В средневековых источниках имеются упоминания о псарях для аланских собак. Считалось, что лучшими псарями были испанцы, другие восхваляли псарей Милана в Италии. Вспомним, что Милан располагался в центре ряда аланских поселений, которые датируются V веком. По некоторым критериям историю алан на Западе можно рассматривать как удачную, в то время как по другим стандартам ее можно считать бедой алан. Согласно предположению об удачно сложившейся истории, аланы в Галлии и Италии первыми ассимилировались и интегрировали в раннесредневековую культуру. Они оставили прочный след в военной тактике и стали составной частью аристократии. Они оказали влияние на искусство, на церковь, на литературу. Но, с другой стороны, аланы не основали постоянного государства, а те, что попали в Африку и Константинополь, исчезли без следа. Во всех областях, за исключением, быть может, области науки, аланы на Западе исчезли так же, как *canis Alani*, их прославленная охотничья собака периода средневековья. Склонность алан к ассимиляции, часто помогавшая им выживать и процветать, сыграла свою коварную роль в их окончательном исчезновении. Однако даже и сегодня в современной Франции можно встретить не совсем ясный эпитет, который напоминает нам о роли алан в конфликтах раннего средневековья. Поговорка не совсем лестная, однако она ясно свидетельствует о предрассудке против алан, сохранившемся до наших дней в нынешней Нормандии:

«Cet homme est violent et allain» — «Этот человек неукротим и аланоподобен»...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТАЦИТ ИГНОРИРУЕТ АЛАН

Согласно мнению некоторых историков, император Нерон в последний год своей жизни решил пойти войной на алан с целью захвата Дарьяльского прохода (Врат Кавказских). Информация об этом походе главным образом основывается на высказывании Тацита: «... многих к этому числу из Германии с Британией и Иллирией, отобранных Нероном и посланных вперед к Вратам Каспийским против албанцев, войну с которыми он готовил и отменил лишь после того, как Виндик со своими сторонниками был подавлен и взят в плен...» Дополнительные сведения дает Светоний: «Он готовил поход к Вратам Каспийским, набрав из италиков девять легионов с шестирядной глубиной, которые у

Александра Великого назывались фалангами».

Тацит ясно свидетельствует, что кампания предпринималась против албанцев и цель ее состояла в захвате контроля над Вратами Каспийскими. Ученые, однако, установили, что сведения римлян о географии данного региона не всегда точны. Согласно некоторым из этих сведений, Тацит скорее имел в виду Врата Кавказские, нежели Каспийские и если это так, то поход Нерона был не против албанцев, а против алан. Возможно, таким образом, что Тацит ошибался и что Светоний тоже заблуждался, поскольку и греческие, и римские авторы часто путали эти два прохода. Более того, у Тацита была, видимо, склонность либо путать алан с албанцами, либо вообще игнорировать алан.

У нас есть основания сомневаться в точности записей Тацита, касающихся похода Нерона. То есть, если даже читать *Alani* вместо его *Albani*, и Врата Кавказские вместо Врата Каспийские, новый вариант все же остается сомнительным. Аланы были первобытным кочевым народом, разбросанным маленькими группами в степях, и мысль о том, что римские легионы преследовали этих быстрых конников на тысячемильных степных просторах, явно абсурдна. К тому же аланы оказали поддержку римской политике против Парфии в 35 г.н. э. и еще в 72 г.н. э. поддерживали после смерти Нерона, антипарфянскую политику Рима. Алан следует рассматривать как врагов парфян, и в Риме их, скорее всего, так и воспринимали. Было достигнуто перемирие или нет, а Парфия оставалась опасным врагом Рима на Востоке. Рим скорее поощрил бы врага Парфии, чем предпринял бы поход против него.

Нерон, который, по-видимому, вообразил себя новым Александром Великим, и, очевидно, мечтал о завоеваниях на Востоке, мог осуществить свою мечту через завоевание парфян подобно тому, как Александр завоевал Персию. Вполне возможно, что Нерон, несмотря на перемирие с парфянами, собирался предпринять большой поход в самое сердце Парфии (войны обычно планируются в мирное время), чтобы подчинить албанцев и захватить контроль над Вратами Каспийскими.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

АРРИАН ПРОТИВ АЛАН

Как отмечалось в предисловии, именно метод, использованный в данном исследовании, должен быть в определенных местах ограничен.

Данное приложение частично является примером видоизменения этого метода, одновременно демонстрирующим те особенности сведений, которые необходимы для оправдания приема.

Из нескольких древних источников известно, что Арриан, легат Каппадокии в эпоху императора Адриана, вел войну в 134 г.н. э. против *Alani*. Он, кроме того, известен и как серьезный историк.

Среди его исторических работ нас интересует *Alanica* или *History of the Alanos*. Сохранилась только небольшая часть этой работы — *Acies contra Alanos*. Ее можно разделить на два отличающихся друг от друга, хотя и связанных между собой, фрагмента. Первый из них представляет собой копию, вероятно, отредактированных военных приказов, отданных Аррианом в период похода против алан, вторгшихся в Каппадокию. Второй излагает основные принципы тактики, которая должна быть использована против врагов, и, в свою очередь, дает некоторые сведения и об аланской тактике. Арриан, чьи литературный

талант и пристрастия хорошо известны современным ученым, ссылается на алан в единственно сохранившемся отрывке Алатса, как на скифов. Несомненно, однако, что Арриан просто отдал предпочтение более литературному термину Scythians именно в этой части Alanica, на самом деле имея в виду алан.

Другой целью данного приложения является первое опубликование интерпретированного перевода Contra Alanos на английском языке.

Этот документ демонстрирует не только то, как подрйбно изоботливо подготавливал Арриан свои военные приказы для этого похода, но также и значительность предстоящего столкновения с аланами. Сама численность римских войск предполагает, какое важное значение они придавали отражению нападения алан. Данный текст в целом является примером того, насколько высоко римляне оценивали аланское военное искусство, а также насколько серьезно империя относилась к вторжению алан в Каппадокию.

ТАКТИКА ПРОТИВ АЛАН

Вся армия должна быть построена в одну колонну. Возглавляет колонну кавалерия, построенная попарно и обеспечивающая разведку.

Далее следует расположить легкую пехоту, копьеносцев и пращников, разделенных на две группы во главе с декурионами. За ними будет следовать полк Иеаврийекой кавалерии, усиленный четырьмя когортами разтиан и отрядом из Kolones под командованием Дафна Коринфского.

За этими войсками должны следовать сначала итурийцы, затем киренеяне. Всеми этими войсками будет командовать Деметрий. За людьми Деметрия будет следовать кельтская кавалерия, построенная попарно, во главе с офицером, которому они подчиняются в лагере.

За кельтской кавалерией будет следовать пехота, состоящая в равной степени из италийцев и киренеян. Впереди должны быть их знамена. Поведет их Пульхер, вождь италийцев. За этими войсками будет следовать боспорская пехота во главе с Лампроклом, а за ними кочевники во главе с Вером. Впереди этих четырех отрядов пехоты будут лучники. Пехоту должен с обеих сторон охранять эскадрон кавалерии археян. За всеми пехотными частями должны наступать отборные части кавалерии, за ней — конные легионеры, за которыми следует полный комплект катапульт. За катапультами должен следовать 15-й легион со знаками отличия во главе с Валенсом, его легат, тысячники и центурионы первой когорты. Рядом со знаками отличия должна находиться часть легкой кавалерии. За ней пехотные части легиона, построенные рядами по четыре. После 15-го легиона пойдет 12-й легион, окруженный тысячниками и центурионами. 12-й легион пойдет так же, как и 15-й.

Эти войска с тяжелым вооружением должны быть поддержаны союзными силами Малой Армении, тяжеловооруженными войсками Трапезунда, колхами и легкой кавалерией физиан. За ними должна следовать пехота апланиан. Обоз должен следовать непосредственно за этими частями. Всю цепь должны замыкать части готской кавалерии во главе со своим предводителем.

Пехотные офицеры должны следовать справа и слева от своих частей.

Два отряда кавалерии, галациане и италийцы пойдут вдоль флангов пехоты. Кавалерия образует только одну шеренгу вдоль каждого из двух флангов.

У Ксенофона, главнокомандующего, не будет определенного места; он будет находиться повсюду, где понадобится навести порядок. Время от времени он будет

находиться перед легионереками орлами и иногда во главе всего войска. Он будет корректировать строй там, где это необходимо и хвалить тех, кто соблюдает порядок. Так должна следовать вся армия.

По прибытии на место сражения вся кавалерия должна отделиться от общей линии войск и расположиться впереди и на флангах, построившись в квадраты. Та часть кавалерии, которая будет выполнять функции разведки, должна находиться впереди и следить за противником. Будет дан приказ, по которому солдаты должны построиться и привести в готовность оружие. Следует проследить, чтобы это было сделано бесшумно, солдаты должны находиться в боевой готовности. Пехота будет развернута в форме рога, а ее фланги слева и справа расположатся на возвышенности. С правого фланга будут армяне во главе с Вузакком и Арбелом. Они займут самую высокую позицию, потому что все они лучники. Когорта италийской пехоты и все остальные, находящиеся под командованием Пульхера, вождя италийцев, развернутся на склоне в виду лучников.

Командующие армянскими войсками, Вузак и Арбел, вместе с кавалерией будут находиться в подчинении Пульхера.

Другое крыло, в которое входят войска союзников, трапезундцы и легкая кавалерия физиан, будет располагаться на высотах с левой стороны. Перед ними расположатся две сотни апланиан и сотня киренеян так, чтобы эта тяжелая пехота смогла защитить лучников, пускающих стрелы во врага. 15-й легион, более сильный из двух, станет на возвышении справа, а его пехота подтянется к центру.

Пехота 12-го легиона заполнит пространство по склону налево, она растянется насколько возможно до самого склона холма. Легионеры построятся плотными рядами по восемь; копьеносцы пойдут в первых четырех рядах; вооруженные пиками — в четырех следующих. Воины первого ряда будут держать свои копья наготове; следует предупредить войска, чтобы острие копья находилось на уровне груди коня. Второй, третий и четвертый ряд должны держать копья наготове. Они должны быть направлены таким образом, чтобы попасть в цель вовремя, свалить на землю коня и сбросить всадника. Удар копьем с его загнутым металлическим концом и вес каждого всадника с его щитом и доспехами не позволят ему снова подняться и воспользоваться конем. Девятый ряд, состоящий из лучников, будет расположен за восьмым; этот ряд включает кочевников, киренеян, боспорцев и итурийцев. Катапульты будут располагаться на двух возвышенностях позади всей армии; они будут стрелять с дальней дистанции.

Вся кавалерия, разбитая на эскадроны, в каждом из которых восемь отрядов по сто человек, должна обеспечивать поддержку пехоте. Эти всадники будут разбросаны от фланга до фланга с тяжелой пехотой, расположенной перед ними. Два отряда по сто человек каждый будут размещены за лучниками на флангах; шесть отрядов по сто человек каждый разместятся за пешими легионерами. Боевые конные лучники разместятся очень плотно к фланге пехоты так, чтобы было возможно стрелять поверх их голов. Все воины, вооруженные копьями, пиками, мечами и секирами, разместятся на флангах спиной к центру и будут ждать сигнала к бою. Будет подобрана команда в качестве эскорта для Ксенофона; она будет сформирована из отборных кавалерийских отрядов, постоянных телохранителей Ксенофона, центурионов, лучших охранников и отборных офицеров кавалерии. Сотня легковооруженных копьеносцев будет находиться рядом, чтобы передавать приказы разным частям во время сражения. Все это войско будет действовать как резерв, чтобы его можно было использовать, когда будет необходимо. Валено, командующий 15-м легионом, поведет правый фланг и всю кавалерию; левый фланг будет находиться под командованием

тысячников 12-го легиона.

Когда все будет приведено в боевую готовность, войска должны сохранять тишину. Когда враг подойдет на расстояние полета наших снарядов и начнется атака, каждый должен будет издать громкий и устрашающий боевой клич. В то же самое время катапульты выпустят тяжелые снаряды и камни. Лучники и все воины, у кого будут метательные орудия, забросают врага своими стрелами, копьями и пиками. Если врага забросают снарядами одни только союзные войска, он уже будет обречен на неудачу. Предполагается, что такое огромное количество снарядов приведет врага в смятение, уничтожит людей и коней, и враг, потеряв волю и силу, не сможет довести свою атаку до конца. Если, однако, они все же атакуют тяжелую пехоту, необходимо как можно скорее подтянуть второй и третий ряды, чтобы они образовали плотную линию, стоящую плечом к плечу, щитом к щиту, и смогли отразить самую сильную атаку вражеской кавалерии.

Четвертый должен будет метать свои копья через головы стоящих перед ними солдат либо во всадников, либо в коней. Когда враг будет отброшен и обратится в бегство, пехота раскроет свои ряды и половина кавалерии — не сотенные, однако, отряды — начнет преследование. Эти отряды будут решительно преследовать врага, в то время как другая половина кавалерии последует за противником медленнее, строго сохраняя свои ряды, чтобы поддержать первых, если скифы развернут внезапно войска, и чтобы сменить первый отряд, когда воины устанут. Во время наступления кавалерии армянские лучники и другие войска, вооруженные метательным оружием, должны сдвинуться со своих позиций и развернуться так, чтобы иметь возможность стрелять в противника и поддерживать кавалерию. Таким образом, у противника не будет передышки. Все легионы передвинутся вперед и будут двигаться с обычной скоростью, следуя за легкими войсками. Таким образом, если вопреки нашим надеждам скифская кавалерия снова овладеет ситуацией и перейдет в атаку, чтобы заставить наши войска отступить, легионы поддержат передние ряды и дадут им возможность перестроиться.

Все это должно быть исполнено в случае внезапного отступления противника. Если же, однако, вместо отступления перед легионами скифская кавалерия отступит в тыл, выдержав град стрел, и попытается наступать на фланги, чтобы ударить со спины, легкие войска не должны делать ни малейшего движения по флангам. Опыт подсказывает, что этот маневр рассчитан на пехоту, которую затем легко рассеять и быстро уничтожить. Основную защиту в данной ситуации будет выполнять кавалерия, которая отразит удар врага.

Для этого необходимо передвинуть ее на фланги, подвергшиеся нападению скифов, и отдать сигнал кавалерийским отрядам, находящимся в тылу легионов, объединиться с группами, которые сначала были расположены позади флангов. Все вместе эти кавалерийские отряды должны образовать крючкообразную линию. Когда нападение скифов на фланги будет расстроено, кавалерия должна будет быстро напасть на них. Всадники должны без промедления пустить в ход свои мечи и секиры. Потому что, поскольку и скифы, и их кони не имеют тяжелых доспехов... (Здесь рукопись обрывается).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

АЛАНСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Еще до недавнего времени использование топонимического материала в исследованиях

вызывало бурное обсуждение и критику. Поскольку материалы подобного рода довольно часты и в данной работе, то мы считаем необходимым подробнее остановиться на методах и формах их использования.

Методы установления аланского происхождения топонимических названий различны и зависят от характера сохранившегося до наших дней материала. Например, *Chronica Gallic* дает надежную информацию об основании аланского поселения в Орлеане по приказу римского военачальника в Галлии в 442 г. Далее эта летопись указывает, что многие крупные землевладельцы этого региона, сопротивлявшиеся решению римских властей, были вытеснены со своих земель. Другие источники утверждают, что аланы и их потомки несли военную службу в Орлеане и на запад от него десятилетия спустя после основания этих поселений. Существуют свидетельства и о том, что потомки алан оказывали влияние на различные аспекты жизни в период средневековья и позднее. Сохранившиеся средневековые источники дают нам информацию о количестве географических наименований в Орлеане, включающих элемент *Alani*. Эти документы, однако, датируются не ранее чем XI в.

Таким образом, между появлением аланского поселения в Орлеане и самым ранним сохранившимся письменным топонимическим свидетельством существует пробел приблизительно в шесть столетий, Временной пробел такой величины должен вызвать сомнения относительно прямой связи между подлинным аланским поселением и этими топонимическими названиями, В подобных сомнениях нас утверждает, к примеру, название *Domnus Alanus* (современный *Domalain Ille-et-Vilaine*), означающий то же, что и *Sanctus Alanus*.

Такое название не может служить доказательством подлинного аланского поселения, поскольку в 440-х годах аланы были язычниками, а из этого следует, что Св. Алана еще не было в то время. К тому же, употребление *domnus*, краткой формы от *dominus*, получило распространение в Галлии где-то в 700 г. или почти 250 лет спустя после существования подлинного аланского поселения.

Следует отметить, однако, что Св. Алан жил в северо-западной Галлии приблизительно в 700 г. Тем не менее самый ранний сохранившийся документ со ссылкой на город *Domalain* датируется временем около 1330 г., то есть 600 лет спустя после того, как святой достиг пика своей популярности. *Domalain* был маленьким незначительным местечком в период средневековья, и было либо мало, либо совсем не было причин для его упоминания в относительно небольшом количестве документов, существовавших в то время.

Временной разрыв между первым упоминанием в источниках городка *Domalain* и годами жизни Св. Алана соответствует периоду, прошедшему со времени поселения алан в Орлеане до первого упоминания в данном регионе топонимических названий, содержащих элемент *Alan*. Точно так же места с названиями, которые были обязаны своим происхождением в какой-то степени аланскому влиянию; в период средневековья были; ничем не примечательны. Римской системе госпиталитета, согласно которой новым поселенцам выделялся земельный надел, было свойственно давать даже незначительным аланским поселениям аланские названия; оттого элементы прежних названий часто появляются в топонимии, демонстрирующей аланское влияние. Так, если какая-то вилла (или имение) переходила во владение аланского магната, то она скорее всего получала название *Alanville* или *Alaincourt* Короче говоря, нам известно, что в Орлеане существовали аланские поселения и что аланы оказывали влияние на различные аспекты жизни северо-западной Галлии в период раннего средневековья и что значительное число топонимических наименований подверглось влиянию алан (см. ниже). Невозможно доказать, что те или иные

места с современными названиями Alanville и Alaincourt были истинными поселениями алан, но как гипотеза такое мнение вполне допустимо.

О приведенных ниже наименованиях, содержащих элемент Alan- можно с уверенностью сказать, что они имеют аланское происхождение.

Слово Alani не появляется в западных источниках до 1 в.н. э. Что касается самих алан, то надо отметить, что они не селились на Западе до V века. Нет ни одного топонимического названия в Западной Европе, содержащего элемент Alan-, которое датировалось бы до V века. Таким образом, можно вполне полагаться на общее мнение ученых, дающее основание считать такие топонимические названия как имеющие определенное отношение к Alani. Попутно можно отметить, что более или менее допустимого объяснения присутствию элемента Alan- в топонимических названиях пока нет.

Сегодня уже трудно определить происхождение топонимических названий, в том числе и из-за изменений в произношении и орфографии, произошедших со времен средневековья до наших дней. У современного французского Alaines, к примеру, средневековой формой было Alania, говорящее о местонахождении аланского поселения однако и встречающееся в различных местах южной Франции и северной Италии Alaqna также происходит от Alania. Выпадение начального «А» из Alan- превращает средневековое Aland'Riano в современное Landriano или вполне понятное изменение Molendium de Alanha на современное Moulin de Laqne. Из-за орфографических искажений некоторые ученые не решаются классифицировать элементы Alen- и Allen-, как дериваты от Alan. С 857 года, однако, у нас есть упоминание об Alancianus, который в 1157 году назывался Alencianus. Близлежащее болото, заимствовавшее свое название от имени города, значилось в документе 1317 года как Staqnum de Alensan. И наоборот, Curtalain назывался в 1095 году Curia Alemi, а в 1128 году — Curia Alani. Самое раннее упоминание современного Alenson относится к XIII веку, когда оно звучало как Alansonum.

Существуют и более странные изменения: Ecclesia di Alanus, упоминание о котором впервые появилось в документах X века, теперь называется Alos. Самое раннее упоминание города Allan (Drome) появляется в документе XII века Alondo. Такие формы, как Allonne и Allone, похожие на Alondo, являются, однако, кельтскими и происходят от Alanna. Известно, что аланы расселялись в соответствии с порядками империи на землях Рима уже с 440 года.

Они обосновывались на заброшенных землях и, по крайней мере, несколькими местами этого района они дали свои имена, Недалеко от Allan есть город Alansonum, уже упоминавшийся нами и процветавший в период средневековья. У элемента Alan- есть еще и вариант Ailan Город Aillianville в XVII веке назывался Allanville. В противоположность этому Alaincourt-aux-Boeufs в 836 году значилось как Alanum, в 936 году — Alamnuin, а в 1305 году — уже как Ailain.

Возможно, самым странным упоминанием Alani является их появление в средневековом источнике как Ellaini.

Известно, что в средневековых источниках содержится огромное количество искажений, так как переписчики мало заботились о точности передачи названий, воспроизводя лишь общую форму. Короче говоря, используя топонимические названия в качестве свидетельств, одновременно с ними следует привлекать и исторические и археологические источники, а не просто приводить самое раннее упоминание этого названия в документе или «чистое» написание слова.

Хочу отметить, что те несколько десятков топонимических названий, которые приводятся ниже и имеют, по-моему, аланское происхождение или же отражают аланское

влияние, являются лишь небольшой частью десятков тысяч изученных мной названий в современной Франции, Швейцарии, Италии и Испании. Это относительно небольшое число аланских топонимических названий было собрано в результате тщательного изучения топонимических словарей и опубликованных средневековых документов. Преобладание здесь аланских топонимических названий не должно создавать у читателя впечатления, что они непропорционально многочисленны по сравнению с огромным числом названий в этих районах.

ПЕРЕЧЕНЬ АЛАНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1. Эйллиенвилль (Гот-Марн); Алленвилль, пригл. 1182; Азенвилль, 1402; Эйлейнвилль, 1446; Алланвилль, 1628.
2. Алана (обл. Пьемонт).
3. Алана (Сант Германо), 727.
4. Алана Ломеллина (Павия).
5. Аллейн (Од): Аланиано, 1129; Каструм-де-Аланано, 1252; Аланиан, 5.257.
6. Алейн (Эйн).
7. Алейн (Луар-Инфериор).
8. Алейн, называемый также Аланкурт-о-Беф (Мэрт-и-Мозель): Аланум, 836; Аланум, 936; Аланум, 965; Эйлейн и Аллейн, 1305.
9. Алейнкурт (Эйсн): Халинкурт, 1168; Эллейнкурт, 1174; Аллейнкурт, 1189.
10. Алейнкурт (Арденны): Алейнкурт, 1229.
11. Алейнкурт (Ор): Алейнкурия и Аланикурия, оба 1242; Эйланкурт, 1303.
12. Алейнкурт (Гот-Саон).
13. Алейнкурт, называемый также Алейнкурт-ля-Кот (Мерг-и-Мозель).
14. Алейнс (Ор); Фьеф-о-Алейнс, 1334.
15. Алейнвилль, также Алленвилль-о-Буа (Сент-и-Уаз): вила Алленни, IX в.
16. Алан (Гот-Гаронна).
17. Алансианус (Од), более не существует: Алансианус, 857; Алленсианус, 1157; Алоссанум, 1360; около болота Алоссано, болота Алое, болота Аленсан.
18. Алансон (Дром).
19. Аланж (Бадайоз), также — Аланье.
20. Аланьерс (Эйн): Аланьер, XVIII в.
21. Аланис (Севиль).
22. Алано (Хеска).
23. Алано-ди-Пьяве (Сан-Антонио).
24. Алейнз (Эйн): Алена, 1325; Алейнз, XVIII в.
25. Аленсон (Дром); Алансонум, 1298; Алансон, 1355; Капелла-деАленсон, 1499; Алансон, 1509.
26. Аления (Восточные Пиренеи): Аллениус.
27. Алганз (Тарн).
28. Аллейн (Эйн).
29. Аллейн (Кальвадос).
30. Аллейн (Морбихан).

31. Аллейн (Торино): Аллейн; Аллианум.
 32. Аллейнз (Ор-и-Луар): Алена, ИЗО; Аллен, 1165.
 33. Аллейнз (Сомм): Алания, 1095.
 34. Аллейнз (Ор).
 35. Аллейнвилль, также Аллейнвилл-на-Босе (Луарэ); Алейнвилла, 1236.
 36. Аллейнвилль (Ор-и-Луарэ): Алейнвилль, при бл. 1100; Аланвилла, при бл. 1160.
 37. Алламонг (Мэрт-и-Мозель): возможно Элемкурт, 893; Алани-монти, 1194; Алламон, XV в.
 38. Аллан (Дром): Алон, 1138; Кастрим-де-Алондо, 1345; Санта Марияде-Алондо, 1183; Алан, XVIII в.
 39. Алланкорт (Марн): Халанкорт, 1735.
 40. Аллан'хью (Арденны). 41. Аллено, Вилла д'Аллено, также Вилла Даллено (Верона).
 42. Алленс, также Алене.
 43. Алое (Тарн): Аланус, Алас, XII и XIII вв.
 44. Аланезон (Морбихан), 1199.
 45. Бреш д'Алланз (Высокие Пиренеи).
 46. Корталейн (Ор-и-Луар): Курия Алеми, 1095; Кортоллейн, 1120; Курия Алани, 1128; Куртосленум, ИЗО; Куртослейн, 1132.
 47. Домалейн (Иль-и-Вилейн: Домнус Аланус, при бл. 1330.
 48. Гоарек, также Гоуарек (Кот-дю-Норд).
 49. Ла Лондон (Эйн): Аква-де-Аландон, 1397.
 50. Ландриано (Павия): Алан д'Риано, XII в.
 51. Ланет (Од): Вилла-де-Алианто и Алан — оба в 951; Аланетум, 1320; Алханетум, 1331; Эйланет, 1409.
 52. Лангейс (Эндр-и-Луар): Алангавиенс и Алингавиенси, конец VI в. Проблема состоит в том, происходит ли это название от предположительно германского Allin или от подтвержденного документально индо-иранского названия Alan.
 53. Лансе (Восточные Пиренеи).
 54. Мулин-де-Ланж (Од): Молендинум-де-Алана, 1279.
 55. Сампиньи (Марн).
 56. Сампиньи (Мез): Сампиниакум, IX, в.
-